

Отдѣлъ II. Обычай.

А. Орнино.

Mini-k šediki-lā apak lāmđakyŭt. Ozně-šešt ās ko-jsest. Syn
tot kyda- o-znešešt. Kočkše-št syřā n-ta. Še uliis Niškpa-zyst, a
što-uliis pa-zyst mā-filca; šeñen uliis lām Vē-repaz. O-znoma
ta-rkast uliis vā-χKi latksa, latksyūt o-žera, o-žeraš sāfi-j, ožeraūt
kra-jsa ku-da. Še ku-dyūči puru-akšnyšt ozno-ma. Kona- čyatyř
puru-mams ozno-ma, Niškpa-zyst kužā kudypo-tinare, a naro-deš
puru-mā kudy-ūči; kandy-t mīničuna; ki vaz vēčā, Ki re-vā vēčā,
Ki tuva pañā; heñ jala Vēferaznyū; i karūi-t ozno-ma. Ozno-m-

Наши были въ старину крещеными. Они молились по сво-
ему. Вотъ какъ они молились. Выбирали старика. Это были ихъ
Нипкиназь, а еще у нихъ былъ богъ на небѣ; тому имя было
Верепазь. Мѣсто молитвы было у нихъ въ одной долигѣ; въ
той долигѣ было озеро, озеро глубокое, а на берегу озера домъ.
Они собирались на молитву въ тотъ домъ. Въ тотъ день, когда
должно собраться на молитву, ихъ Нипкиназь заѣзжаетъ на под-
волоку, а народъ собирается въ домъ; несутъ всякую всячину;
кто приведетъ теленка, кто приведетъ овцу, кто пригонитъ слышно;
кто все для Верепаза; и начнутъ молиться. Молисе, говорили

sta i šta korta-št: «Niški Pas, Pokš Pas, kořnie-ñeć, makst tñi-k
šu-ra», a še Niškipazyš kudypo-tmarcta karčyzyst sa-sta pie-fa:
«maksa-n!» Syñ ta-gy vášy-ť: «Niški Pas, Pokš Pas, kořnie-ñeć uñ-za
o-lgeza ažyju-ška», — «Uñ-!» — «Niški Pas, Pokš Pas, kořnie-ñeć,
kolózy-za uñ-za tñžafu-ška», — «Uñ!» — «Rože-nť žorna-za uñ-za
jññe nñeka», — «Uñ-!» — «A skoťe-nañfi makst ěumbra-čy», —
«Maksa-n!» — «Skoťe-naš vñ-šij rašta-za», — «taštñ-!» — «I ššññk
makst ěumbra-čy», — «Maksan!» — I išta- vášy-ť tñžñ nie-ležest para.
Majñ še Niškipa-zyš kyřña-ftñ kudypo-tmarctyñť vñ i nji- vñdñ-lga
sa-ñdij pu-lys i kekšñ- šezé-ñ, šesta naro-děš strady-ť kudga.

A mon stuťy-ññ jofta-nus. Oznoma-da i kññ, syñ jakšñ-šť vñ-
ññ ba-ñas. Baññ-š uññ-š ñ-ja la-tksa. Še la-tyñť lññiza ñeja-k
Bañala-tka. Kyda ba-ñasyñť pa-řñť, ñ-šť to-sta, moľe-ť Ćakš la-tyu.

такъ: «Ничкиназь, Покпназь, кормлєць, дай намъ хлѣба», а
тотъ Ничкиназь съ подволоки въ отвѣтъ имъ говоритъ кот-
ховку: «дамъ!» Они опять просятъ: «Ничкиназь, Покпназь, кор-
млєць, да будетъ у него (у хлѣба) солома толдиной съ оглобля
— «Будетъ!» — «Ничкиназь, Покпназь, кормлєць, да будетъ
его колось съ коонецъ тѣка», — «Будетъ!» — «Зерно рѣи да бу-
детъ съ черенотъ дожка», — «Будетъ!» — «А скоту дай здорověе», —
«Дамъ!» — «Скотина вся да принесетъ приплодъ», — «Принесетъ
приплодъ!» — «И намъ дай здорověе», — «Дамъ!» — И такимъ обра-
зомъ просятъ что для нихъ хорошо. Заѣмъ тотъ Ничкиназь се-
скочитъ съ подволоки въ воду и поплыветъ подъ водой къ камы-
шамъ и спрячется туда. Тогда народъ разоидетъ по домамъ.

А я забылъ рассказать. Передъ молитвой они ходятъ въ мѣ-
скую баню. Баня находилась въ другой долигѣ. Ими той долигѣ
и теперь Баялетка. После того какъ они выпарятся въ банѣ,

Še ta gy ň-ja. Še la-tksyñt aŕci-š vā. Ťñ čakšyst. Še latksyñt oŕe-de-ŕt, a űajlā tukšuy-št ozno-ma še űiskipa-zyñti. Ha duma-, syñ išta-šaj-cta jakšit še űiskipa-zyñti oznēse-mā: syñ išta- jakšit-št oznēse-mā godēñte kañkšt ko-lmōkšt, ato še űiskipa-zyš jakšit-š vā. ſiva vā-č. Moŕi valma-luy i kulcy-nā, ſi mā-zi vāša. Tocy vāññi-k vāšy-č, vāññi tñp vāšy-č, a teša šemejani-k vāšy-č, šeme-jau me-lka taŕt taŕt. Ki-ññi māzi ā-rāvā, še šeu i vāša. Ki vāša: «űiski Paš, na kant moŕi čorē-ñeñu tonatiŕe, Ki poŕkst pa-mart, Ki aŕt, Ki uma-ft, Kiñ mā-zizn u-ſā. Ki māzi ku-ča, son meſa: «maksey-ñ! Makseyž čanza valmava, son aŕe-javā; son sa-jsyñgā i tuja. A biđā polk lo-mañis kuly-š, syñ avy-ſ aŕčik poŕkst pa-mart kučai-št, umaft dy aŕt; vānaja-k kučaišt, tabakt ka-k kučai-št. Syñ te-šta duma-št: kona- kulā, še tonačy-sa jarcā. Biđā mā-zi toŕ koča-t, son űeđā ja-reā tosa, a biđā māzija-k aku-čat tñnza, son teša va-ča aŕā i ravgā. Šeks išta- i kučai-št. A biđā kuly-š lo-mañis daŕuo-, soñfedenza mājā te-sa űñ űñ-mā karñi-č nučka-ñ

они выйдутъ оттуда, пойдутъ въ Чакшлатку (горничную долину). То опять другая (долина). Въ той долинь стоялъ мірской горюхотъ. Въ той долинь они обѣдали, а потому ходили молиться тому бишкпазу. Не подумай, чтобы они часто такъ ходили молиться тому бишкпазу: они такъ ходили молиться въ годъ два-три раза, — а то тотъ бишкпазъ хаживалъ по ночамъ по селу. Подойдетъ окошко и слушаетъ, кто чего проситъ. Тамъ просить всѣмъ селомъ, просить о мірекомъ дѣлѣ, а здѣсь просить всей семьей, просить о мелкихъ семейныхъ дѣлахъ. Кому что нужно, тотъ о томъ и просить. Кто проситъ: «бишкпазъ, возьми неси моему сынку и тотъ свѣтъ», кто (дастъ) штаны и рубашку, кто яица, кто яблокъ, у кого что есть. Кто чего посылаетъ, (а) онъ говоритъ: «дадутъ!» Дадутъ ему въ окошко, а его не видно; онъ возьметъ что и войдетъ. А если умеръ взрослый человѣкъ, они посылали не только штаны и рубашку, яблокъ и яица; они посылали также вино, посылали также табакъ. Она тогда думали: кто умретъ,

nu-ckat, to šeñeñ še kuly-zis jakša. vanftu-mynza, koda- by šajtan
nāžingza jak āšša saj, koda by ājdingza avy-lēa pola-ft. Še kuly-
loma-ñiñfi mērñešt: čar!

Miñi-k nejga-k kāmī-t tanga. Koda-k ājdiñf lañše puey-č,
vāñta-syž i čaru-syž pīra-syž. Daža āšpīn-nyk kak šaji-čta pīfā-
syñik nejga-k. Pry-mier: koda- sy bu-ia ča-raž, šesta- mīñ gorta-
tana: čar Pašša-nygt, čar Pašša-nygt¹⁾. Išfa- kortē-f buñeñt juta-ma.
A eščo- žardy ātā žale-ra, žyť skaly-ñ, žyť loma-ñiñ, šesta- tuji-č
vāñiñi-k čuřa-ma pīra-ma. Nu tosa avy-l išta pīfi-č; sa-jit so-ka i
uski-č ājsynga tāj-čif, avyť ava-t (avathā avyť vañkst, ñet akuñ-
čif, čora-ñiñ ja-k aku-ñcič, a-ñcič kodžo-rat kuñci-č). Išfa-ju-tyť vāñā
krugo-m karkstu-ma narodē-š, vāñiñ puly-st pľefeskast no-lđaft.
Kna mole-č, šija vāši kortē-f sa-lava: čar Pašša-nygt, i jnty-č vā-
ñi-ñt krugo-m. Mājla tu-jit vāši vāñi-ñ ulēa-ñiñ āzga, išfa-ñ
soka-syñt ho-rōzda taji-č, a ko-sy n-lā sy-fā a-ñiñ āli ba-biñā,

1) Бокеро Паа тангыт.

тотъ съѣсть на томъ свѣтѣ. Если что пошлешь туда, онъ-это тамъ
съѣсть, а если ничего не пошлешь ему, онъ будетъ илтъ тамъ голо-
днымъ и рыдать. Поэтому они такъ и посылали. А если человекъ
умеръ давно, и здѣсь послѣ всего будутъ уже вцуп отъ вцуповъ,
то къ нимъ тотъ покойникъ ходитъ напраулигъ, какъ бы шайтанъ
не взялъ у нихъ чего-нибудь, какъ бы онъ не обмѣнялъ ихъ дѣ-
тей. Такому покойнику они говорили: чуръ!

У насъ теперь и вѣрять въ него. Когда владуть ребенка въ
зыбку, его покрываютъ зачурать и «огорождать». Даже и самки
себя мы и теперь часто «огороаживаемъ». Напрямѣръ: когда за-
станетъ буря съ вихремъ, тогда мы говоримъ: чуръ, помилуй Богъ,
чуръ, помилуй Богъ! Такъ говорятъ до конца бури. И еще: когда
бываетъ моръ, хоть короній, хоть людской, тогда ходятъ всѣхъ се-
ломъ чурать и «огороаживать». Но тамъ огороаживаютъ не такъ:
возьмутъ соху и возутъ ее дѣвушке, не женщины (женщины не
чисты, онъ не берутся, мужика такъ же не берутся, берутся только

seze-h táji-t krost so-kasyút, prok se lo-mañín maksny-syz ku-luma-níi. Koda-k váši ju-tasyž, májla strači-t ku-dga, a jak-šit váš.

Nu míni-k nejga-k kadu-qsť lama šediki-řín obó-čanyk i ozno-manyk. Koda šedikiřa jakšist Bañala-tkuu i Čakšla-tkuu obedama, míni-k nejga-k te ko-jenek veteřá, a-ńčik řija-ks. Pry-mer. Kyda lo-mañis ku-lá, ka-lmasyž, po-ńemasyz; kařty čy-t ju-tyt, a kolmóce čyńt ka-rča řa-styńt čo-kšestěńt uřty-čba-řa. Pu-ri-má naru-d, pa-řit tosa, řařňa čora-t, májla ava-t a šeft májli kaduřa sy-ři ba-řiňá, i še baři-ńis sajsy- kuly-čńńt pana-rynga i saji- řájli i saji. groř. Pana-ryńt ka-jasy bařa-křy-kř po-řogńńt troks i karńa-saji-ńa; křř Ke-deženža grořěńt sajsy, a řit Ke-

ходостые парня). Такимъ образомъ пройтъ вокругъ села народъ, сплотивъ пояса, у всѣхъ распущены волосы и косы. Гдѣ идти, тамъ всѣ говорить антихонку: чуръ, помидуй Богъ! и пройтъ вокругъ села. Потомъ пойдутъ по всѣмъ улцамъ села и такъ же проводить борозду сохой, а гдѣ есть старикъ или старушка, тамъ сохой обводять крестъ, точно будто отдають того человека смерти. Когда обойдутъ все, тогда разойдутся по домамъ и ходить ночью.

У насъ и теперь осталось много старинныхъ обычаевъ и мѣстъ. Какъ въ старину ходили въ Банялатку и обѣдать въ Чакплатку, такъ у насъ теперь ведется этотъ обычай, но во другому. Напримѣръ. Когда умереть человѣкъ, его похорошить и устроить по немъ поминки; пройтъ два дня, а наканунѣ третьяго дня въ ночь съ вечера топить баню. Народъ соберется, парится тамъ, сначала мужчины, затѣмъ женщины, а послѣ всѣхъ останется одна старушка, и та старушка возьметъ рубашку покойника и возьметъ полъ и возьметъ грошъ. Броситъ она рубашку черезъ

džeznža pǎji-lǎt, ko-nǎ pana-rynt válkse i karhá. logno-ma: «Mi-črij (bičǎ ku-lyčǎnt ľamiza Mi-črij, ǎǎ koda to-sa kulyčǎnt ľamiza, iśa i mǎfǎ), sak paśa-ma, ślit-nardyť keľńe-t pǎľǎ-ńǎ, čǎrdi-ť mary-t pokšǎ-ńǎi baba-tńǎ, syńda-st uśty-ť, syń ga-k toń čǎřǎ-dyž; čǎřť sedǎ ĩna-lǎyž, ton oc syčǎť ǎ-řičǎť. A tyń, pokšǎ-ť baba-t, ĩľada pokšǎ-ńǎa, kuleynyřk čǎa-lǎumanga, pǎĩni-řǎ jntky-zyřk, sa-dy vářca śľa-ma narda-ma. Vot karhá-ǎřǎ-řǎi ľamsa řǎřǎniń; komat řǎuza řǎřť ma-lǎvǎks rodńa-, řǎi řǎřť i-kǎľ kundaśy ľǎni-nža. Pry-mer: Marfa. «Ton, Marfa, avyľ čuřy lo-mǎřat, sak, řalgať kak čǎrdi-ť; ton gak, Dřiga, ĩńčǎńǎk, ton gak sak, maryť kak řǎřa-k, śľi-ť nardy-ť kǎřa-zyť lo-vařat. I karńi logno-ma řara pomńǎ ǎřǎ-řǎi sońčǎ ľǎ-ma kuly-čǎnt rodńa-nža řǎřki-nža, Mǎľǎ sońčǎ-ń řǎřki-nža: «tyń gak, mońčǎń rodńǎńǎ, sada paśa-dǎ. Tagy ka-řńǎ ľamsa řǎřǎniń ǎřǎ-řǎi, ko-ńǎ-ń pomńǎ-syńřǎ: «a tyń Mičrijń řǎřť ro-čńǎť, ĩľady keřǎ-řǎť, bičǎ syń syť; kodařa-k vářca-vářca vǎdi-ś sa-tǎ, pary-ś ľama,

порогъ банной двѣри и сгнать братъ; въ лѣвую руку возьметъ грѣль, а въ правую поятъ, нагнется надъ рубашкой и ставеть причитывать: «Дмитрій (если имя покойника Дмитрій, или какое имя тамъ у покойника, такъ она и назоветъ), придѣлаться, вымой вытри ручки-ножки, позови съ собой дѣвушекъ и бабушекъ, дѣи ихъ ты топлай, и они также тебя позовутъ; зови упрямая, ты новый пришелецъ и жилецъ. А вы, дѣдушки и бабушки, не гордитесь, послушайте его просьбу, примите его въ ванну средѣ, придѣте выѣсть мыться и вытираться. Вотъ она начеть звать каждаго по имени; кто ему ближе всѣхъ родня, имена тѣхъ она переберетъ прежде всѣхъ. Напримеръ: Мароа. «Ты, Мароа, не чужой человѣкъ прѣди и позови также подругъ; и ты, Григорій—машь, и ты прѣди и жди съ собой, вымой-вытри спину и костьи. И начеть причитывать, сколько вспомнитъ, называя каждаго родственника покойника по его имени. Наполежь, и своихъ родственниковъ; а вы также, мой родные, приходите попарьтесь. Опять начеть

venäa u-litö. Majlä pu-tä polökla-ŋks kome-lenza to-völoq. Očke-
šeŋte kaji- vädiä, puty kačinä nädiŋt vädiŋti. Karmi- šuky-
šakšuma i koŋta-ma: «nu, pokšea-t baba-t, sady väši väši väši, a
mäjä- moŋe-da kšy sa-lda jarca-ma; i tuja- še ku-dyŋti, kosa-
kuly-š še loma-ŋiš. A-rä iŋiŋä ugyle stoŋe-kšc. A iŋiŋä u-gyleyŋt
kuly-čäŋt ode-žanža (bi-di čora, poŋkst panart, a bi-dä a-va,
ru-čat pa-nart), i ožä-la-ŋgyzst, pucyj še grošēŋt la-ŋgyzst.
Majli-karmiŋt piru-muma väva-ŋetyčat i syfi-t i ott. Iai-vä-žkiš ka-n-
dä kšy sal; ki kandä-kšy salyŋt marja groškä, ki švodečäŋ, ki a-lnä,
ki ču-ŋkiŋä, kiŋ mäžiza ulä, še ščŋ i ka-ndä. Koda-k kona sy va-
ka-nyža marja, sajso- kyrgama peŋenza i makscyj še babiŋi-ŋti.
Soŋe šuky-ŋä mo-das, mäjä- šti, kšysa-lyŋža ke-cänža ko-ŋä
ka-ŋksams, a babi-ŋiš karmä. kyrksi-mä grošēŋt äli aly-ŋt äli
čŋŋkaŋt. Koda-k väšc kyrka-dä, äŋŋ gnudä; väši kandy-čäŋt lä-
mi-st kuŋci-syŋži, äŋvü-žkiŋiŋi meŋa: esada- kšysa-lyŋi varčama,
a-t vana rodŋŋŋk saš, kšy sal čäŋk kanč, sada-, jarca-da, uli-stada

звать наждого, кого вспомнить, по имени: «а вы, Дмитриевы род-
ственники, не сердитесь, если они придут; какнибудь вместе
каждому хватить воды, пару много, есть метлы». Потом она по-
ложить на полку комель в ту сторону. В корыточко пальеть
воды, положить ковшечек черепкомъ из воды. Начнетъ кла-
няться и говорить: «ну, дѣдушки-бабушки, приходите всё-всё-всё,
а згѣмъ приходите ѣсть хлѣба соли», и пойдетъ въ тотъ домъ,
гдѣ умеръ тотъ человѣкъ. Станетъ въ передній уголъ за столъ.
А въ переднемъ углу платя покойника (если мужчина, то shirta
и рубашка, а если женщина, то рудя и рубинка), и сидеть она
на нихъ и положить на нихъ тотъ гробъ. Потомъ стануть соби-
раться почные караульщики и старые и молодые. И каждый беретъ
хлѣбъ соль; а съ хлѣбомъ солью кто беретъ грошикъ, кто свѣчку,
кто яичко, кто луковку, что у кого есть, тотъ то и беретъ. Какъ
аредетъ кто съ чашкой, возьметъ предметъ для скобленія и дастъ
его старушкѣ. Самъ онъ поклонится въ землю, потомъ встанетъ,

peškset, va-či ika-da a-ščä, a tyñ šeñgi-sa ozue-da Verëpa-zuñ.
Verëpazyś maksy-za i kuðys i karda-js i pakša-se. Koda-k väši
lompoštä-mnä, baba-s alamy-da pfauga ko-mafey prok šu-kyä,
a šury-ñ sa-lyñ gandy-čas šu-kyñä mo-das, mäjlä šfi i puey-j vaka-
nyza stolä-ñks. Soñe o-zä väpelej. Mäjfi i-šta ombö-čä arä-ša-
ryñ salyñ kandyča. Baba-s išta-ža loyna-, a te išta-ža aščä. A ko-
na-t ikti-tij zašt i oza-št väpe-lej, ñet ba-kulaksnyť. Koda-k väši
pu-rumit, koda-k mafa-syž kury-k pelevä- sy, kapšyť sedä ku-ryk
u-žynama, afašyñ mora-ms, žare pokšča-ťnä baba-ťnä äšt tuk. A
užyna-ma kyda-ka-rumit, o-znät täjit, o-jšet väši. baba-s šfi, saji
groši karmä kyrkšiminga uležäťnä vä-ñseca i karmä-šärdi-mä väš
ku-la raškni-ñ rolaatniñ: esa-da ojše-da marynyk, arci-da kru-
go-mganyk, jüčñi-da da part ä-ñik ar-čida, ifady jefäčä kšysa-
lyñč laqks; mäjdi minč ja-retana, šeti- i tyñ jarec-da. Žare son
išta loyna, naro-dēs ašči väši-j šta-da pčaiñ ko-mafyž. Kyda ñet
väši lompošt, saji čakškis šatkiñit, ka-ji langyzyst la-dyñit, saji

пачнутся до пояса, съ хлебомъ съ солью въ рукахъ, а старуха
пачнеть скобанть грошъ или пидо или зукровку. Какъ ризъ шире-
неть, помянеть имена всѣхъ приносящихъ и каждому сказаетъ
«придите отвѣдать хлѣба соли, а то вотъ ваша родня пришла,
принесла вамъ хлѣбъ-соль, кушайте, будьте сыты, не оставьте
голодными, а вы за то молитесь Верëпазу. Верëпазь да дастъ
въ дождь и во дворъ и въ поле». Когда перебереть всѣ имена,
старуха пачнеть немного голову, будто кланяется, а принесшій
зерно и соль кланяется въ землю, потомъ встанеть и поставитъ
чанку ва столъ. Самъ сидеть въ сторонѣ. Послѣ того такъ же
другой, принесшій зерно и соль. Старуха такъ же причитывается,
этотъ такъ же стоитъ. А тѣ кто пришли впередъ и сѣли въ сторонѣ,
тѣ поговариваютъ. Когда всѣ соберутся и когда замѣтятъ, что
скоро наступитъ полночь, они сѣншатъ какъ можно скорѣе по-
ужинать до пѣнія пѣтуховъ, пока дѣдушки и бабушки не ушли. А
когда пачнутъ ужинать, помолится и всѣ следутъ, старуха встаетъ

kaša čakš, kaša čakšyút laŋks práka, o-mbóce kedežēnga sa-jisa-l-dyrks, sa-l-dyrksyút laŋks la-dyn ča-kškiút i ja-kā- stolŋneš kru-go-m, a jaka-msta kortā: «Niški pas, Pokšpas, ko-rínešec, čačy-za kšysaly-š táni-k i rozhe-š i sury-niš i tožžerniš i žužny-š i viški-š i keoagūi-š i čyča-vičas i muški-niš i lonnē-š i čynžara-mytiā i arbo-snā i dytnā i uma-ftāi i kuja-ryčnā i durakkujaryčnā¹⁾». Ky-da- ja-kā, kodamy šuryša-l ŋe-jā, jala práht šu-kyūasy i šury-ūt lāmi-ŋza ku-ndasy; ištā- ja-ki-tājā, o-zā, sald-ryksyút ara-ŋey, kšyút pu-cy; kašačakšyút ma-kseyj štāpuča-tāiūt²⁾. La-dyn čakš-kiūt ara-ŋey pa-zava u-gylc. Šesty i mēfā; «nu davajā māžnyk ušā, māžā Pas tūžk maksē, iŋa-dy vištā-jstynok, iŋa-da pāl pokšča-tāiūt». Odeža-tāiūt la-ŋks pu-tā od čapla-ška, od pānčkā. Koda-k koda-ma pi-šča pu-tyt, son křosta-syž vakanyūt pāšēca, a-myldā ā-jstynza alama i kaja-syž mājgūniūt še čapla-škiūtāiūt. Kaja-msta mē-fā: «jarca-k, jarca-k, Mi-fa, jalga-t kak ka-vaŋiŋa. Mājā

1) laŋy-tt. 2) kuja-ryčnā. 3) štāpuča-tāiūt (стар.).

нетъ, возметь грошъ и начептъ снобить его надъ одеждами и начептъ звать всѣхъ покойныхъ родственниковъ: «приходите, сядьте съ нами, встаньте кругомъ васъ, покушайте и добра намъ желайте, не пейлите на хлѣбъ-соль; что мы сами ѣдимъ, то и вы кушайте». Пока она такъ причитываетъ, всѣ стоять, наклонивъ голову. Когда она всѣхъ ихъ переберетъ, она возметь въ горшокъ угольковъ, положить на нихъ ладону, возметь горшокъ кашы, на горшокъ кашы (положить) впрогъ, возметь въ другую руку солоницу, на солоницу горшокъ съ ладопомъ и ходить вокругъ столовъ, а ходя говорить: «Нишкиназь, Покипазь, кор-милецъ, да уродасть у насъ хлѣбъ-соль и ржица и ячменекъ и пшеничка и преспо и полбида и горонекъ и чечевича и коповельки и ленокъ и подсолнечники и арбузы и дыни и яблоки и огурцы и тыквы». Когда она ходитъ, какую увидитъ хлѣбъ-соль, непременно поклонится и назоветъ хлѣбъ по имени; такъ она походить, сядетъ, поставитъ солоницу, положить хлѣбъ; горшокъ съ кашей

uoñé amy-ldä i korëta-msta mie-fä: «nu, Mita-, nř-za čaňkřit, pačkydiza tāt; nu jā-řčñdas. Šesta vā-šij druk kaja-vř jarca-ma, aňčik pāñčt mařāvit kaldyrda-mada. Še ška-ňā křija-k māšē kak ako-řtā, a-ňčik noske-t da jarcy-t. A kyda pāki-st peške-đet čak-čak ku-fčims, syň ku-fčimaňt ta-rkas u-kšāñt: aχ, řāja, uχ, řāja, uχ, řāja, koda-myška loma-ňis pa-ryř, i vāšī iřca. Karmī-t ukšāñi-mā i paryloma-ňist ā-jsa joffne-mā. Kyda- u-žynyř soyse-m, baňi-ňis du-mā: «Ka-ňā u-řā, ka-ňā ara-š, ešē māžist kake, i meřā: «nu slava Bo-γu, ešē. nř māžññ ka-k, štakšnn-ms nřā-vā». Māññ šřit, o-zneř, řisī-t stolēkšsta, baba-š sa-jsyňñā čapla-škiñt i pāñč-ki-ñt, kšy pa-myřkskiř saja, čufka lo-peňet, umař bo-keňet, al lu-kškit, ođeža-nga sajsy-ňñā i řisā- u-řēñ. Ary čokšpřas i karmā-vaka-nnyñ ājsa kyrkšī-mā: čaplaškiñt kyrkšīsyj, pāñčkiñt ky-rkšīsyj, kyrkšā i ođežanga ājsa, kyrkšā- ko-mada, a osta-tka narodeš toža v-ščit ko- mada. Kyrkšimsta baňiñis čna-řdā pokšēařñi-ññ baba-tñiññ: «řka-st pēñčā, kodamy kšysa-l ulāi-š, možy kři-

отдасть стрянухамъ. Горшокъ съ ладаномъ поставить къ углу къ обрамъ. Тогда она скажетъ: «пу давайте, что у васъ есть, что Богъ вамъ далъ, не стыдитесь насъ, не бойтесь предковъ». На одежду она поставитъ новую деревянную чашечку, новую ложку. Когда поставить какое нибудь кушанье, она перекреститъ ложкой посуду, немного черпнетъ изъ нея и наотмънь выльетъ это въ деревянную чашечку. Выливая, она говоритъ: «Тшь, їмъ, Мятя, и угости такие товарищей». Потому она сама похмиваетъ и покупавши скажетъ:—«Пу, Мита, да будетъ и у тебя частичка(?) пусть дойдетъ до тебя; ау, кушайте». Тогда асѣ вдругъ бросится ѣсть, слышеть только грохотъ ложки. Въ это время никто нечего не говоритъ, только сонитъ и ѣдлтъ. А когда они насытятся станутъ трудно дышать; въэто стону укаютъ: «Ухт, ухт, ухт, какой человекъ былъ хорошій», и всѣ такъ начнутъ выдыхать и говорить о хорошемъ человекѣ. Когда отуживаютъ всеѣмъ, старушка подумаетъ: «не знай есть, не знай пїть у насъ еще чего нибудь», и скажетъ: «ну, слава Богу, еще есть у васъ

ga-k stučít tárdims jarca-ma; šesta nady, tá-nga kandy-da máži ka-dnųš; iša-ža penčėdė, tesk savyt, tesk jarca-vyt. Mon vėd mēreši čyja-k i baňa-sa i stoł ekšca: sa-da vāši, jarca-da, a uškakastufy-ńš, tak na-da, tūnga kandykš. Nekeń i jorcėńga čukšpčas, ĩe kšypa-myřskėitėiń lo-žatėiń i čapla-škinėistyń kaja-syńga i tuij-po-taž ořtanti. Majli vāši přast karmi-t koma-fėińa; a-rva komařnu-mstyńt jała mēre-t: pprošca-jti, pprošca-jti, pprošca-jti. A va-ndyj uř-t pońe-nkat. Ištaža puru-ńit čyt, ištaža kšysa-l kandy-t loma-tėd, ištaža ba-čėińš ky-rkša, ištaža čukšpčar ga-k ti-šėd. Eščo- vājkay čyt po-mėnet. Vājkay čyń karčyja-k i-štaža vā-vančėi-t; ko-ty ńš-dlanzy pońena-syž; ištaža pčł go-dėnga po-mena-syž i godė-nga pońena-syž i ja-la vā vančėi-t ģrva-pońena-myńt ka-rča.

Eščo pońena-kšnyt kalmyla-čgyń čysta. Šestė vā ava-ńfiit; čajńit bra-gat, čajńi-t pu-řit, čajńi-t vi-na, řiđi-t sa-rast, řesta-ń

что-нибудь, надо вставить». Потомъ встануть, помолятся, шнѣдутъ изъ за стола; старуха возьметъ деревянную чашечку и ложечку, возьметъ хлѣбныя крошечки, дуковичныя листочки, положитъ лбокъ, лачныя скорлупки, возьметъ его одежду и выйдетъ на улицу. Станетъ въ сорное мѣсто и начнетъ выскоблывать чинку; поскоблеть деревянную чашечку, поскоблеть ложечку, скоблеть и его одежду, скоблеть выптунисъ, а остальные также стоятъ нагнувшись. При скобленіи старуха постоянно проситъ дѣдушекъ и бабушекъ: «чтобы не пеняли на то, какова была хлѣб-солъ; можетъ быть, позабыли позвать когонибудь къ ѣдѣ; въ такомъ случаѣ возьмите, отвесите ему что осталось; пусть онъ не пеняетъ; если бы пришелъ сюда, поѣхъ бы здѣсь. Вѣдь я говорила давеча и въ банѣ и за столомъ; прадите всѣ, покушайте, а ужъ если я его забыла, такъ возьмите, отвесите ему». Это она и броситъ на то мѣсто, гдѣ выбрасываютъ соръ, тѣ хлѣбныя крошечки и кости; и выйдетъ изъ деревянной чашечки, и пойдетъ за-домъ къ воротамъ. Потомъ всѣ вичнутъ наклонять своя головы; каждый, наклонилъ голову, все время говорить: «прощайте, про-

sy-vil; néu váši sa-jsyž i tuji-t kalmylanks. Saji-t ma-ryst po-me-na-ñijat i ašča-är-väžkiš as ka-lmynga la-řksa. Ašča- i lajša. Bidi lajša- odava- loma-ñiñgis, šesta- meřa-: «doga-j, doga-j, a O-kša» (aři koda- řa-ñiža tosa), a Bidi ava täžči-řinža ki-sa la-jša, šesta- lajšy-msta meřa-: «řaka-j, řaka-j, a Ka-řa (aři koda- řa-ñi-ža to-sa), mazyj řaka-j, a Ka-řa; mñks řaka-j kady-miř, nuža-s gořa-s kaji-miř, ki-ñe-j řiñi-m čaři-syja... A Bidi täžči-t lajšy a-va-nga ki-sa, še-stä vřa-zu!) šärgidä täžči-řiš: «uř, ava-kaj gořma-kaj, uř, kofrñe-ñečKa aři-ñiñ, uř, aři-ñiñ řiři-ñiñ, mñks ton aři-ñiñ kady-miř, nužas gořa-s kaji-miř»... A Bida lajšy-t čoraloma-ñiñ ġis, šesta šärgi-řiř: «pola-j, pola-j, a I-vañ, mazy-j pola-j, a I-vañ».... Bida ava čora-nga kis lajša-, še-sta še meřa-: mñks ton řiřiñiñ kady-miř, nužas gořa-s kaji-miř»... A Bidi kořa-jka mř-

1) šek.

идайте, прощайте». А завтра будут поминки. Так же собираются днем, люди так же приносят хлеб-соль, старушка так же скоблить, она так же выходить на сорное место. Еще въ девятый день поминуютъ. И на канунъ девятого дня такъ же бодрствуютъ ночью; поминуютъ шесть недѣль; такъ же поминуютъ въ полугодовой день и въ годовой день, и передъ каждымъ поминаніемъ бодрствуютъ ночь.

Еще поминуютъ въ родительскій день. Тогда ночью не бодрствуютъ; приготоуляютъ брлги, дѣлають пуря, возмуть вина, сварить куръ, приготоуять жареное мясо; все это возмуть и пойдуть на кладбище. Возмуть съ собой поминанія, и каждый стапоятся на своей могилѣ. Стоить и вопить. Если вопить молодой женщина по женцанѣ, тогда она говоритъ: «сестрица, сестрица, а Окся» (ял какъ тамъ его ямя), а если женщина вопить по своей дочери, тогда, воия, она говоритъ: «дитятко, дитятко, а Катя (ял какъ тамъ ел ямя), красивое дитятко, а Катя; отчего, дитятко, ты меня оставило, бросило меня въ нужду и горе, што теадеръ пощеть въ моей голоуѣ... А если вопить дочь по матери, то дочь сразу закричить: «ухъ, матушка-кормалица, ухъ, корма-

duža kis lajšā, še šārgidā: «duga-j, duga-j, a I-van, mazy-j duga-j a Ivan»... Mājlā syt popt, stužyt pokš pana-fida i tuji-ť kal-my-ťaiū laŋga poineba-ñijāū loŋno-ma. Kyda-ťāši lo-ŋnēsōz, tu-jit. A ava-ťūā karñi-ť še-sta šimimā i jareca-ma; vūχki-st vūχki-st kavañama kona-ť šedā mala-syt; šimii-ť i jarey-ť pīāvi-st čaraka-dums, i āivāχkā šimima jarcamyt ājsta kajši-ť lomaiñi pfa-pās moda poc mīničuaa, i kšy i braga- i puťā- i syvi-I, putñi-ť če-la nŋt.

Putñi-msta jala kortēt: «na- vany ŋat (kundasy ŋanhi-ŋza), šimŋt jureca-k, vačy i-la ulf i āšfāñik pary ātēi-ka. Mā-jlā štakšny-ť i straŋi-ť ku-dga. A sy-ñādest mājla puru-ñit šežēñ stada ki-ska i karñi-ť čuquu-ma i tarkši-ñā māzi syū dozē-ñ kadny-šť i sāvi-ñist, a kyda sāusy-č, kyda ala-my kadu-va tosa, añčik ti-ja tu-a jaki-st ape-škedet ki-skatūñ, šesty tuŋga-dyt, karñi-ť vūχkist vūχkist ā-ja šežēmā i kapi-dit isfamyška žall, biđi vāt goda-vat ma-las, na-tyj čē-fet dūbiško-m šit.

лца мой матушка, ухъ матушка моя кормилица, зачѣмъ ты, матушка, мела оставила, бросила мела въ пужду в горе»... А если вонять по мужѣ, тогда закрывать: «половина моя, половина мой, а Иванъ, красная половина моя, а Иванъ».... Если вопеть мать по сыну, тогда та говоритъ: «зачѣмъ ты, дитятко, меня оставило, бросило мела въ пужду в горе»... А если жена вонеть по своему мужѣ, то она кричитъ: «дружокъ, дружокъ, а Иванъ, красивый дружокъ, а Иванъ».... Потомъ приходятъ поны, служатъ большую пави-хду и войдутъ по могиламъ чатать поминаніи. Когда прочтуть еси поминаніи, уходятъ. А женщины начинаютъ тогда пить в ѣсть, угощать другъ друга, которын между собою балье, пьютъ в ѣдят до потери сознаніи, и каждыи отъ пиять в ѣды выбрасываетъ кое-что на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова (похороненнаго) человека, и хлѣба, а браги, а пурв, в мяса; владуть и цѣлуютъ вйца.

Става (это), все время говорить: «па вогъ тебѣ (вмл ретъ), оей тпъ, не будь голодентъ и для насъ желой хорошее». Загѣмъ

Kahmylangyn čynť karča toža ušni-t baňa-t i jakšit paža-ma, a pokščaťniň babatniň čaťni-syž, i mon mafi-n la-myn ku-rksta, šty še vasytňt nejť, koda sakšny-t baňaťni pařama, vasi paraćik-paraćik syť, vasi ašy-syť; kona-t syť, kona-t tuji-t, i išta. syn syť i tuji-t ača-kšyn mo-rams. Kodak afakš mo-rä, to šesta srazy ja-mi-t. Mon moňe vanfi-n, nu mazi ja-k ži-n nek; poe-tomu¹⁾ mon avy-ť švato-jan, a synet nekšne-sěž ja-la ba-biňit, kona-t šajicta ja-kšit poimenka-va. Syn i-štažy joñie-t i-ñičyn obe-dňan zavutyř-ñan jutksta jakšit kalmalaňka křisto-zovama; prat, keľa, modaňt laňks ko-mada, četet no-ldasyť i me-řat: «Křistos voskreše, a syn do-ba prok brompt byzaľca-dyť. Nu val ača-řkydivä; tože-n mon ži-n jaka.

1) šeka.

встають и расходятся по домамъ. А послѣ нихъ собираются туда стая собакъ и начинаютъ вырывать и вытаскивать то, что они здѣсь оставили, и съѣдать это, а какъ съѣдать, когда здѣсь останется исмаго, и только кое-гдѣ собаки не найдутся, тогда они полорутся, стапуть рвать одна другую и поднимуть такой ярскъ, что если ночью угодишь близько, то даже волосы стануть дыбомъ.

Наканунѣ родительскаго дня также топать бани и ходить париться и призываютъ дѣдушекъ и бабушекъ, и я слышалъ, отъ многихъ, что въ эту ночь видятъ, какъ приходятъ въ баню париться; всѣ приходятъ попарно, всѣ въ бѣломъ; кто приходитъ, кто уходитъ; и такимъ образомъ они приходятъ и уходитъ до пѣнїя пѣтуховъ. Какъ запоетъ пѣтухъ, то тогда они сразу исчезаютъ. Я и самъ караулил, но ничего я не видѣлъ; поэтому я не святой, а ихъ видятъ все тѣ старушки, которыя часто ходятъ по поминкамъ. Онѣ также рассказываютъ, что ходитъ христосоваться между пасхальной обѣдней и заутреней на кладбище; упадешь, говорить, пагнувшись на землю, распустишь волосы и скажешь: «Христосъ воскресъ», а они тамъ жужжать точно шмели. Но слова не разберешь; и туда не ходить.

A miñi-k ešeo. lamy jofne-t, bu-ta mo-žna muji-ms nevi-
dimka¹⁾) lovažyna. Še mujims vo-t koda. Varčama ranžy katka,
koseja-k vāžkija-k ašy po-nēzeza iļa-za ul, i saji-ms kona- skatys
dum rauža i perva- va-zyjš i pe-rvoj²⁾) poča-ftumaš lo-ſca i že-
kala. Še-sta mošems pelevā ška-nā ba-nas i pidi-ms ba-nasa še
loſceſt ājsa še katkaš čelo-m. Kyda- son uš pi-ja pi-ja, vāšij ka-
ladā. Še-sta karma-ms lovažyniñā vāžta-vāžtā saji-ms kurka; i
vanums zeſkala-va, āivāžka lova-žyniñt ku-rksa kiſdimsta. Ko-
da-k porgā še nevidimka lova-žyniš, ſešta- zeſkala-gyñt māžija-k
a ne-jāva. Vot še marta mājļā koņ chočešaza, māšt cho-češ tājāik,
kija-k aſe-tanžat. Teñ mon āžiñā sna-rinā. Trudns- ſeķ muji-ms
vā-šij druk, štoba i katka- ra-nža i skal ra-nža, dy tagy perva-
vazara, dy taga pe-rvoj počaſtu-ma.

1) sdejavika   2) vāšid rak.

А наши еще много рассказывают, будто можно найти косточку
невидимку. Вот какъ ее можно найти. Поисать черную кошку,
чтобы на ней не было ни одной бѣлой шерстинки и взять у коровы,
которая совсѣмъ черная и отелилась первый разъ и первый разъ
дотся, молока и зеркало. Тогда пойти въ полночную пору въ
баю и сварить въ банѣ въ этомъ молокѣ цѣликомъ ту кошку.
Когда она ужъ сварится, то вся развалится. Тогда (надо) начать
брать въ ротъ косточки по одной и смотрѣть въ зеркало въ то
время, какъ удержишь во рту каждую косточку. Какъ попадетъ та
невидимка косточка, тогда въ зеркалѣ ничего не видно. Вотъ съ
той (косточкой) лѣи затѣмъ куда хочешь, дѣлай что хочешь, и
никто тебя не увидить. Этого я не пробоваъ. Очень трудно найти
все вдругъ, чтобы и кошка была черная и корова черная да при-
томъ съ первымъ телкомъ, да при томъ при первомъ доеніи.

A ešeo- mīnīk jofne-ť byts možna muji-ms; iñičysta obedna zau-tyřna ju-ťksta kuži-ms kudypo-ťmarc, karma-ms kuži-mā, kyda- pervaĵ baja-gaš va-čkydā, kuži-ms i vāšni-ms, byta to-sa mu-jat lo-maū pīlksyuzs Keñt; ne Keñtūñ ta-rgit pīlksyuzs i šedi ku-ryk ba-jagaūť kolmócedā vačkydima-zynga čyť, a bīdā akā-ñifāt še po-rañť ā-jsta, to juñi-ť, šežne-ťadyž; a bīdā kññi-ťat valgu-ma ne Keñtūñ ājsa, mā-jlā mo-žna jaka-ms; ne Keñtā išta peK jakī-ť, koda-k vāšt ša-gat šisim valgijpāt. I Ľññi-st ne Keñtūñ šeñijoretuyť. Mon kužni-ñ, nať uća-skam a-rašif: vāš-ñi-ñ, vāšni-ñ, māžija-k āži-ñ muk. Peťekladyn troks pryñ, ne-ťeK gak tapi-nā, valgim i kññiuga-k āžin jofnā-, i nej konyga-k asyrkšau, dy koda- bīdā akāñiřvijak, n mīnī-k žary-ja jofne-ť, kasty mā-ž mo-žna sajims, štuka-ťñā peK udo-bačyť¹⁾ i rama-ž ara-mašit muji-ž amu-jivit. Nu mon nej uš asua-rfñan mālgā-st jaka-ma.

1) eřřalkat

А еще наши рассказывают, будто можно пайти; между пачхальной обѣдней и заутреней (падо) изытѣть на подволоку, пачать хѣзѣть, когда ударѣть въ первый разъ колокола, взытѣть и исказѣть, будто здѣсь можно пайти сапоги на челоуѣческихъ ногахъ; эта сапога снѣми съ ногъ и какъ можно скорѣе бѣги до третьяго удара колокола, а если не успѣешь въ это время, то пропадуть, тебѣ разорнуть; и если успѣешь слѣзѣть въ этихъ сапогахъ, то затѣмъ можно ходить. Эти сапоги ходять такъ скоро, что въ одвою твоюмъ шагѣ семь верстѣ. И названіе этимъ сапогамъ семиверстныѣ. Я лазилъ, но видно, у меня не было счастья; искалъ, искалъ, и ничего не паметь. Упалъ я черезъ порекладъ, разбилъ дажѣ себѣ морду, слѣзѣ и пичому не рассказывать, и теперь нѣкуда ни собираюсь, да какъ то и не вѣрится, а наши много рассказываютъ, гдѣ что можно ваять, штука очень удобная, и не курни-яхъ я не изйдешь. Но я теперь ужъ не попробую ходить по нимъ.

Nej syrksa-n kazna-ń darga-ma, a mĩńi-k ajsty-st jofie-t pek la-ma. Popoń čelna la-tksa n-ti že-nlaŋka. Še žemlaŋka-syńt kolma čatt?). Vā-žkisyńt piža-, ombóceseńt si-ja, kolmó-česeńt kyk zo-lóta. Kunčkasa ča-nyńt laŋksa ašča- kavjo-r samalo-t, laŋksy-ŋga ašča- pa-zava Boži ma-čifis ko-mada veŋa-ftuf. Paza-vańt laŋksa pti-stalet; heń Šteńka Razin puty-ńša i puty-mstyst mečé: «Ki jočét moń ta-rkasa uli-mā, moń grežen saji-mist, moń parym ājsa vaška-ma, to kady-k še sajsy- pristale-těńt vickedč-zěŋza, a paza-vańt kārčé ko-dezěŋza i Jofčé-j pa-zavańt victa ša-čijs. I česta-karĩnā-māšt jočét heń tā-jńā, i jarma-kũĩń sajsy-ńša i samalotěńt sajsy-, ańčik sońčé-ń ojmeza uli- Šteńka-ń ta-rkasa. A bratcy moi! Šteńkań soda-syžk ko-sa? Tyń duma-tada, son kuly-š. Son āz gu-la, son āti vifea. A vot mon đāt jofie-sa, koda son āřā. Son išta-my ta-rkasa āřā, kijak i mala-v' a mo-fežā, a sońč živ. Sonza Vefepa-s āřdi-kstyžā, modāš a pti-masy, a Vē-

2) čant.

Теперь я собираюсь рыть клады, а наши рассказывают о них очень много. Въ долине (называющейся) Ипозовъ пчельникъ есть землянка. Въ той землянкѣ три чана. Въ одномъ мѣдъ, въ другомъ серебро, и въ третьемъ золото. На среднемъ чанѣ поставя коверъ самолѣтъ, на немъ лежитъ икона Божьей Матери, перевернутая ничкомъ. На иконѣ штолетъ; это все положили. Стенька Разинъ и когда клалъ это, сказалъ: кто хочеть быть на моемъ мѣстѣ и взять мои грѣхи и блаженствовать съ моимъ добромъ, то пусть тотъ возьметь штолетъ въ правую руку свою, а икону въ лѣвую и прострѣлитъ икону прямо въ сердце. И тогда станетъ дѣлать что хочеть, и деньги возьметь и самолѣтъ, но только его душа будетъ на Стенькиномъ мѣстѣ. А братцы мои! Знаете вы, гдѣ Стенька? Вы думаете, что онъ померъ. Онъ не померъ, онъ живетъ въ лѣсу. А вотъ я тебѣ расскажу, гдѣ онъ живетъ. Онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, куда вблизи никто не можетъ подойти, а самъ онъ живъ. Его проклятъ Богъ, земля

febas ojme-nza a-sajsy. Son i a-sčy bo-kom, kãñ bulj jutksa. Kodak čyza va-lgã i paru-nit äzynga vičetynt i guŷt i vatra-kã i mãtka-st i mĩniñžu-nyñ gatt i karñit äjsynza poŷa-ma; čynga štams kacyž ańčiko-jmẽnt dy lovaža-tũñ a šadijstynza va-ŷki guj a tu-kšoy jak, čyñi-k vũñi-k poŷa-. Vot vãt ištã. poŷa-syž, a čop tagu- kasũ äzy-nza ŷela-; koda-k čo-kšneš sy, tagy ištã, i pi-ŷgiñt ju-mams, kelã, son ištã. karñã. äŷa-ma. A biðã kija-k leŷe-j paža-vãñt i sajsy. pary-nza, še äŷamy-dynža mãjñã tarka-zynga arã.

Šedikiñ äŷamys pek pary-l. Moda-s la-myŷ, ki žary du-mã, še šnary so-kã; nu šesta- soka-mys ulñi-s pek beŷãñ. Moda-ñt ä-zyga řačñis ištãmyška puře-j¹⁾, a so-kaŷã jak. A soka-tũñ koda-tt ulñi-š! Pek beŷã-ŷt: sta-kat, aka-ññivi mmaškãt, sošne-kãt ara-šit; pañež-tũñ ulñi-št ta-myñ, poðeñžũñ ulñi-št laŷgi-ñ. So-

1) uskaz.

его не принимает, а Богъ не принимает его дуня. Онъ я ле-жить на боку на каменной землѣ. Когда садеть солнце, собе-рутен въ нему въ збса я змѣя и лигушка и иперныи и всякѣ гады и начнутъ его высасывать; съ восходомъ солнца оста-вить только душу и кости, а съ сядица одиѣ змѣй и не сходитъ, сосетъ день и ночь. Вотъ почью такъ высеутъ, а днемъ опять пыростег на вемъ тѣло; какъ настанетъ вечеръ, опять то же; и говорить, что онъ будетъ такъ жить до скончанія свѣта. А если кто-нибудь прострѣлитъ икону и возьметъ его добро, тотъ, послѣ своей жизни, станетъ на его мѣсто.

Въ старину житѣ было очень хорошее. Земли было много, кто сколько задумаетъ, тотъ столько нашетъ, но тогда нашла была очень плохая. По землѣ родился такой пырей, что ел и не всащешь. А сохи капля были! Очень плохія: тяжелыя, пятая

kšest beřnācta, na šury.š čačnī.š pēk. Šesta.īsta. robōta.št: telenē.k
 kizynī.k. Najima.styēt nu.jit nu.jit, a konatt kadu.vit, sa.jit
 žē.řūa, kifit kafta a-lašat pā.vauza i vētē.sēz alaša.tnūh žē.ř.
 dāt mařta uma.ēt larğa; pračy.z šury.ēt va.luq. Nukšuy.št
 lo.vōd prams, jakšamyt, odeža.sa rykařia.sa, a jala nuji.t. Šesta
 loķe.t, koda loq vaļa.syj šury.ēt, Šesta karini.t pulf n.skišmā¹⁾,
 a pičēnīšt tēř kn.ņēkaņš, žarđa maņiřt. Ulūi.ēt aņūat; ņe aņūā.
 tūh ājsa košņest pulf i pičēnī.št. Še.stā pičēnī.št avyl jarma.kta,
 koda ņe.j, a zajo.m odino.kyřūā. Vāřnā vā.řkiņiā pičeyt, mājū
 omb.čēneņ, a avatnā pičēka.t čop pičeyt, vāņbe.ēt šeyřdi.t.
 Štyikšny.ēt krak avyl īsta.: avy.I pī.řasa Ki.šēyz, a šēy.řisa. Gaz
 ga.k šo.sta ara.sil; šesta tol žē.řsa a.šēikšnīšt; pēti.čkat kak ara.
 šil. Pecka.tnūh jak avyl īsta.tt ulūi.št; avyl kiřpičīn, a vīcta šo.
 vūheņ: čavyz čavīt—i pēcka, a turba.t a.ņēa a-rašiřt; īsta.k a.řēišt.

1) pulfā nakišmā.

не донесешь, сошниковъ не было; палицы были дубовыя, подвой
 были изъ лына. Нахали плохо, но хлѣбъ хорошо родился. Тогда
 вотъ какъ работали: и всю зиму и все лѣто. Въ жнитво жнутъ,
 жнутъ, а что останется,—возьмутъ жерде, запрягутъ двухъ лоша
 дей по концамъ и водить лошадей вмѣстѣ съ жердыю по загону;
 свалить хлѣбъ подъ одно. Икали до снѣга,—холодѣ—въ одеждѣ и
 въ рукавицахъ, а все-таки жнутъ. Тогда перестанутъ, когда
 снѣгъ завалитъ хлѣбъ. Тогда начнутъ возить снопы, а молотили
 посредиѣ земы, когда вѣдро. Были овяны; въ этихъ овняхъ су
 шили снопы и молотили. Тогда молотили не за деньги, какъ те
 перь, а одолжиѣ—взаимы. Сначала обмолотить одному, потомъ
 другому, а женщины бѣдняжки весь день молотятъ; всю ночь
 прядутъ. И пряля не такъ (какъ теперь), не прихама съ пла
 скомъ, а веретенами. И керосину не было тогда; тогда сжигали
 при лучинахъ; и спичекъ не было. И печка была не такая; не
 кирпичныя, а прямо глиняныя; бьютъ собьютъ (глину)—я печка, а
 трубъ совсѣмъ не было; жили такъ (безъ трубъ).

Tā-ŕit/ŕnā pača-t āst ka-nñilcsāā, a kizoa- a te-ŕnā, dy pa-
cat oŕsā ara-sil't. Mičdñññ ŕi-sā, god vā pn-lysa jakā, čo-ka kašññ,
a mājñā čačtamyzuŕa čokoŕtu-ma jakā, a kyda- ča-čtā, šetu
pfaŕy-nŕa šlyga-n butā. Kyda- ča-čtā pē-rvoj, ājdññ ŕā-mñdasyž
purna-syž ka-ŕty pē-ŕdññ rođñā-st vāšī, tāji-t šñññ-jat i karmñ-č
guññ-jama. Guññ-jit gn-ŕājič, mājñā karmñ-č kaša-s kaja-mā: āt-
vā-ŕki zba-baj lomaññ¹⁾ jaly groš kajā, a oččāčtyčs karmñ-kašññ-
mñst, kiññ-ñ ruča-, kiññ-ñ pana-r, kiññ-ñ poŕkst, a malaŕyi-kny-
ññ ru-čat pa-naŕt i poŕkst panaŕt, a ko-nat šedi vāpū-lā ŕeñe-ñ
na-rdānyst, a rođñā-ñ raskññ ājdñ-sty konat kudga-t, kiññ-ñ pñ-
ŕi-kst, kona-ññ krost, a biđi pokš tā-ŕit, ŕe-ñeñ surkst.

A šedi-ki-lā kyda-putyt ku-da; biđi lomaññ ta-šta ku-dyž
ara-sil, to tāji-t jurta-va. A tājññ-št vo-t koda. Pruñbi-č vāt sođe-čā
ba-bññt, muji-č tolka-ŕi, saji-č rauža sa-raz, ka-rdaz ku-nčkas tā-

1) zba-b'i lomaññ.

Дѣвушки не носили платковъ, ни зѣтмъ ни зѣмной, да плат-
ковъ совѣтъ не было. Выйдетъ замужъ, въ течение года ходить
съ одной косой, носитьъ кветы, а послѣ того, какъ родить, ходить
бозъ кветы, а когда родить, тогда надѣветъ на годову шлыганъ.
Когда родить въ первый разъ, окрестить ребенка, собрать
исѣхъ родственниковъ своихъ съ обѣихъ сторонъ, устроить кре-
стины и пашутъ гулить. Гуляютъ-гуляютъ, потому пашутъ
бросать въ каму: каждая чети бросаетъ по грону, а рожевца
начинетъ вхъ дарить, кому рудю, кому рубашку, кому штаны, а
близкижъ рудю и рубашку, штаны и рубашку, а тѣмъ, кто болѣе
далекъ, полотенца, а дѣтямъ родственниковъ, которыхъ (остался)
по домамъ, кому серѣжки, кому крестъ, а если взрослая дѣ-
вушки—то тѣмъ кольца.

А въ старину, когда поставитъ домъ, если у хозяина не было
старого дома, то сдѣлать юртану. А дѣлали вотъ какъ. Собе-
рутсл ночью зинахари старушкѣ, найдутъ кремни, возмуть чер-
ную курцу, выроютъ въ середнѣ двора ямочку, въ ямочкѣ за-

ji-t ja-miñā, jamiñiñfi ſăksy-ž še sa-razyñt, nolda-byž vāri-ŋa tozeñ; nolda-msta korté-č ozné-t: ačāy-za oc āricāñiñ od jurta-va, aſi-za loma-ñiñ vīdga pa-ra i skote-nanža vī-dga i karda-zganža. Liža- jurta-vat naſñež ſāñiñā¹⁾, skote-nanža kola-ma ilaza no-lda, soñé kak loma-ñiñ iſa-za jaku-; āra-za soñéñ karda-ja, uza-žuvaza soñéñ karda-ja, soñéñ skotenanža nā-Iga; skotenā aſi-za va-dra, raſta-zy lama, a vot mīñ ſānzy pu-tana kšysal i syvi-ñā i vākska- i čéna-ſkskič. I vački-č še jama-ñi vāñiñ lapks kšysal i čénaſkst i loſey- i vā-lks i sajsy-ž vėl'a-ſyž še tol ſāſyñt. «Māza mājla li-šā ſéñ ājsta?» kākſtiñā mon mon joñé-čāñt. «A vot mā-ži; jurtava ča-čā še vāñiñ ā-jsta». — «A ko-dama son?» — «Da raži ton āži-č maſéñ?» — «Maſé-ms mon maſé-ñ, nu āñi-ñ ſe-kšāñ». — «E, dy ton ſéksñčleſi sonža avyſi āvāžkiš noſé-j, a liñā žočeš ſoje-ñhenža, to Ivankupalyñ ka-rča, oza-k izama-lur

1) mueky'lama.

рѣзуть ту курицу, выпустить туда ее кровь; выпуская кровь, говорить и молится: «да родится у новаго жителя новая юртва, да будетъ она доброй по отношенію къ хозяину и къ его скоту и къ его двору. Пусть не позволитъ другимъ хортавамъ дѣлать на смѣхъ, хортать его скотину, и пусть сама она не ходитъ къ чужимъ людямъ; пусть живетъ въ своемъ дворѣ, ухаживаетъ въ своемъ дворѣ, за своею скотиной; пусть скотина будетъ хорошая, пусть много плодитъ, а вотъ мы ей подложимъ хлѣба соли и масла и сливочекъ и выжиромъ¹⁾». И кладутъ въ эту яму на кровь хлѣбъ-соль, выжирки и молока и сливочки и возьмутъ покрываютъ то кремнемъ. «А что потомъ изъ того выйдетъ?» спросятъ и у моего разсказчика. «А вотъ что! изъ той крови родится юртва». — «А какова она собой?» — «Да развѣ ты не слыхивалъ?» — «Слышать то я слыхалъ, но не видывалъ.» — «О, да ты ее можъ бы увидѣть! ее

1) Разнаго рода мелкое обрубное мясо, изъ котораго расплавлено и выжато это сало.

i vant ala-šat laŋks. Son konaŋ včeksě-j i ura-dasyj, ġřiva-nza jak kodasy-j, koromyŋza jak včity-j; a lija-jurta-vaš saly dy andi, a kona-ŋ a včeksěj, šěŋ pulynza jak tarksi-syj, ġřivanzy jak tarksi-syj, a biďa azyrys aŋi-syj, kunst očks kak kajši-syj». — «Mer, beda-j, vanni-qlin, dy moŋ ala-šam vāŋki ja-k ara-š; stala byt i moŋ jurtavam gak ara-š. Koda ža son moŋdā-ŋ ġeje-ms?» — «Son mafa-ms mo-žna; biďi koda-my jak fāt beda- ulā, son la-jyŋa karnā, a biďa keženzj safcyt, son škifa-tanžat». — «De-ďaj, a kyda lo-maŋis kndy-nzy niisyj āli polafcyj, koda žy še jurta-va marynzy tojā āli tosk ka-dnā». — «Da ara-žā možna jurta-va tosk kadu-ms tašta ta-rkas; a nzy ikilij gak fārci-ž». — «A biďa atārciž?» — «Dy vot māšf: moŋ dāc avy-f kefesa āli kodaja-k jō-ŋe-sa; moŋdān baba-m jo-fiežā:

«Synct titāngu-ca fāfi-dist palēt i puēt li-ja ta-rkas ku-da

1) vādat.

не всякій увидѣть, а если ты хочешь ее увидѣть, то ты, вѣнчикъ Ивана Куналы, сидь подлѣ борону и смотри на свою лошадь. Она (юртава) которую (лошадь) любить и выгнать ее и запечатъ ей гриву и поправить ей кормъ; а другая юртава крадетъ и кормитъ; а которую не любить, у той и хвостъ оборветъ и гриву вырветъ, а если хозяинъ не продастъ ея, то опрокинетъ даже ее спящую въ колоду». — «И, дѣдушка, посмотрѣлъ бы, да у меня нѣтъ ни одной лошади; стало быть, у меня нѣтъ и юртавы. Какъ же мнѣ ее увидѣть?» — «Ее и услышать можно; если у тебя какая нибудь бѣда, она начинаетъ вонять; а если разсердишь, и она тебя оцѣплетъ». — «Дѣдушка, а если хозяинъ продастъ свой домъ или прѣмѣнитъ его, то какъ юртава — уходитъ ли съ нимъ или остается тамъ?» — «Да развѣ можно оставить юртаву тамъ и старомъ мѣстѣ: ее позвать сначала». — «А если не позовутъ?» — «Да вотъ что: я разскажу тебѣ не по слуху или не какъ-нибудь, мнѣ разсказала бабушка моя слѣдующее:

«Въ родительскомъ домѣ спорили лѣтъ родители, и они посто-

a putamaz-nza ářásť tesk žemlayki-nisa. Májla uskšiz karmy-st karmy-st; alařast va-dřat. Sařť osta-tkada, oza-fuiz ajdi-st, proš-čast ta-rkant marta i syrga-šť. No! Alařas ne-ek, a-syrgavů, tagy-wo-ek, ta-ga a-syrgavů. Vačkydiž ala-řańť, sa-žynčka molť, lotkař. Májli talu-ř? Karma-řtyřka ava-ńť pańińů, a sońć uda-lda vanu-ma. Va-na, čaryji-nza ařela-fuivť. Šafgićť soďe-ča ba-bińiť; neř sra-ze¹⁾ řařařť. «Dy ton ju-řtavat sajik?»—«Arař».—«Dy máks?»—«Dy mon kosta sajsa-v».—«E-ka glu-pyjat²⁾, dy ton eňa-ldyž eňa-ďańik, řařdiž řařdińlik; son tońďedet i-killj mo-Jefel».—«Dy nej řařť řařińs?»—«Mášť řoďeř, nej řa-řińk». Loma-ńis³⁾ ta-ńdař, karma-ř eňa-lduma bańińińi-ńiń, a řyń i meřet: «na vot řařť řa-řť; křďa-k trojka, dy karma-k a-vařďińů dy řařďińů ř-syrga, a řiń tořa karma-tana řařińińza». ře pra-vdyj karma-ř eňa-lduma. «řeřa-řińiń křřmeřeřkeřeř, upro-stamak, kořmaj; mon od lo-ma-

1) tesk. 2) čaryřevat. 3) lomař.

или домъ въ другомъ мѣстѣ, а до окончаіія постройки жили здѣсь въ земляночкѣ. Потомъ она перевезла домашнюю утварь; лошади у нихъ были хорошія. Прѣѣхали они въ послѣдній разъ, дѣтей посадили, простились съ мѣстомъ и тронулись. Но! Лошадь дернется, не трогаются впередъ, опять дернется, внять не трогается впередъ. Ударилъ лошадей, привала она съ сажень, остановилась. Что за оказія? (Отецъ) приказалъ матери погонять, а сама стала смотрѣть сзади. Смотреть, колеса не пертаются. Позвали запахарокъ старушекъ; тѣ сразу поняли.—«Да ты взяла свою юрту?»—«Нѣтъ».—«Да отчего?»—«Да я откуда возьму ее?»—«Она ты глупый, да ты усмеленно просилъ бы ее, усердно дозвалъ бы ее; она впередъ тебя пошла бы».—«Да теперь что дѣлать?»—«Теперь дѣлай что хочешь». Мужикъ всцугался, сталъ упрямивать старушекъ, а онѣ и говорить: «ну, вать что сдѣлай; заложь тройку и начини плакать и звать еѣ, а мы тоже будемъ уговаривать». Этотъ въ самомъ дѣлѣ сталъ упрямивать: «юрта-вуща, кормяница, прости меня, кормилица; я человекъ молодой,

han, koje-ŋk kyrdanŋ aži-ń zoda, aty mon iki-ńij guk taidi-ńli-ńiń; a baŋi-ńitńń ŋuvi-ŋ ja-mińińiń, targe-ŋ kń-vińiń, purny-ŋ ŋń-ŋ-ŋiń i karma-ŋt ońa-lduma: ei-la ŋe-ńńńń, jurta-va ma-tńńkam, mńiń vńpńńńń loma-ńńa ito ŋń-ń mńńńńa; son od lo-mńi, syn lo-mńńiŋa ara-ŋ, ŋńaŋa pu-ńńńaŋa ara-ŋ; oza-k mńy-ńŋa, son uska-ńŋat, bidi ŋe ŋńńńń-ja-lga mńńńńń. I putyŋ ŋe kńvińiń ŋe kńa-ńńńiń i syrga-ńyŋ ala-ńńińiń. Ton mńńt duma-ń; sonń mńń-ja-lga, alańńińiń bo-kaŋa, a kńa-ńyŋ ŋńa, ańńiń kńvińiń to-ŋa, a ala-ńńińińiń koŋka-ń u-ŋuńń, a koda-k ŋńńńńt ŋe-ŋń tarkaŋ, ŋńy-ŋńń tńńt ŋuńńń-va, i koda-ń-ka asa-ńiń. — A mon i mńńń tńńŋa: «dy moŋy kńvińiń ŋa ŋńo-ń sto uńińiŋ?» — «Eka dura-kaŋ, vńd ton mńi-ń, syńi ba-ńińiń ŋa-ń i ŋńy-ŋ, ara-ńńń ŋeŋa sto ŋńo-ń? ŋńk la-ma ŋńl ŋńo-ń. A son oza-ŋ, ŋńk i ŋńa-ń. Son ŋńi-ńyŋ ŋa-ńńińiń ŋa, karma-ŋ ońa-lduma ŋńta-ńiń, valgy-ńy ŋe. Druk alańńińiń syrga-ŋt i tńńt a-ńyŋ.

обычаевъ и правовъ вашихъ и не зналъ, а то я впередъ бы тебя позвалъ». А старушки вырыли ямочку, вытащали камень, собрали кровь и стали упранивать: «не пейай, юртава матушка, мы люди постороннiо и то тебѣ скажемъ: онъ человѣкъ молодой, у него нѣтъ стараго человѣка, нѣтъ кто бы наставлялъ его на разумъ; садись съ нимъ, онъ тебя доведетъ, если не хочешь идти пѣшкомъ». И положили онѣ этотъ камень на телегу и погнали лошадей. Ты что думаешь: самъ онъ идетъ пѣшкомъ, рядомъ съ лошадьми, а телега пустая, на ней только камень, а лошади еде-еде везутъ, а когда проѣзжали по песчаному мѣсту, то колеса уходили по ступицы, и никакъ не возьмешь (возъ). А я ему и говорю: «да можетъ быть, въ камнѣ было пудовъ сто?» — «Экій ты дуракъ, вѣдь ты слышалъ, что его взяли и положили старушки, развѣ тамъ сто пудовъ! Много очень, если полпуда. А она съѣла, потому и тяжело. Онъ билъ билъ лошадей и сталъ упранивать юрту, чтобы та сошла. Лошади вдругъ тронулись и пошли вскачь».

Von mon dāt āzi-ŋ jō-fnā; koda- od godēn ka-rēa jaksīst Ki-vi-sa kajši-mā, kolmy Ki u-lys kulcynu-ma, cefkova kākš la-nās vamu-ma, piri-s kolū-zēn targa-ma. Liši-t pa-kšas piri 'dalu i ko-sē Kiš ja-vi i tej i toj, ko-lmoj, šezē-ŋ mo-lef čefe-ŋ strastyz, karkstu-ma, křosto-ma; pryč pākī-škū lažks; koj ga-k ava-nyč i pīrast a kāpsisyž i kulcy-nyč. Bīdā go-dēs para u-lā, šesta mařāvā čyky-ry, prok pulst uskit, a bīdā beřān, kaldyrf mařāvā, prok koggak ardy-čāt. A bīdā kulu-ma ska-lyŋ u-lā, šesta skalt pary-t, a bīdā čumbra- go-dēs ulā, šesta skalt Kečkefef, a bīdā lomaŋiŋ kulo-ma nla-, lajšy-ma mařāvā, a bīdā kuluna au-lā, more-čāt mařāvīt. — «A kulu-mat āčī-sf šedki-lj, doča-j?» — Ena mžā, i skaly-ŋ i tnyvŋ i loma-ŋiŋ. Dy ton ilā dočā, mon dāt mājlu žardy jak jofnesēn, a ŋej vot kulcy-nyk, koda- kolū-zēn targa-ma jaksī-sf. Mole-t piri-s, oče-ŋeja va-kss, i pājsa targi-t o-ļgeuā i tuji-t mary-nža i varča-syz. Bīdā ko-lōzēs peškšā, to šēn z babi āra-msta vāšini ta-rkaza uliŋi karŋi. peškšā, a bīdā

Вотъ и тебѣ не разскажѣ, какъ наканунѣ Нового года ходили лѣтъ свинцеъ, слушать на распутиѣ трехъ дорогъ, смотрѣть въ церковныя двери, выдергивать колосья на гумнѣ. Выйдутъ на поле за гумна и гдѣ дорога расходится и туда и сюда, въ три стороны, туда придутъ съ распущенными волосами, безъ поясовъ, безъ крестовъ; упадутъ ничкомъ; якуда не смотреть и не поднимать головы и слушаютъ. Если годъ будетъ хорошій, тогда слышится скрипъ, будто везутъ снопы, а если плохой, то слышится грохотъ, точно куда-то скачутъ. А если будетъ моръ на коровъ, тогда режутъ коровы, а если будетъ здоровый годъ, тогда коровы стучатъ рогами, а если будетъ людской моръ, слышится вопль, а если не будетъ мора, слышно какъ поютъ. — «А въ старину, кѣдупка, бывали моровыя повѣтрія?» — Какъ же, и коровы и свинны и людскія. Да ты не приставай, я потомъ тебѣ когда-нибудь разскажу, а теперь вотъ послушай, какъ ходили выдергивать колосья. Пойдутъ на гумно къ одонью и зубами дергаютъ соломинку и уйдутъ съ нею и разсматриваютъ. Если ко-

ko-lóžés čava, to bédno-jsta áfa-ma karñi-f. A cerkovavaks
jaksi-št vanu-ma, vážfi vážfi lo-maš ary- i vaná. Kíu úe-ja
juta-myda va-kska, še te go-ctént ku-la. Míni-k pata-m ísta ja-
kaš vášf. Vany, lomaš sy ážynza, vany-va-ny lo-mašífi, a lo-ma-
šís soúč. Tauda-č i napy-štas kudu-ŋ. Saš i jofta-š ava-šíu. Soúš
praš sére-déuá i kuly-š.

Mínik vá-lisa, bídi loma-šís ača-čúá, še pek mela-ftá. Muknu-
vít ístati ba-bat; mon zoda-n vážkú, mériet tánga Laba-n babi.
Son mašty tájníhá, mon pek paréfa so-dasa-. Son tá-ja čapa-ksy-
há-ka, še byta ážf, i molet pefevát ačočai-ča a-vaút marfa lej
žy-ris. Ava-š pry ko-mada, karistu-ma, křosto-ma, čéfo-nga no-
daž. A baba-š karíu- íháš bi-da toška-ma. To-šku-to-šku, pnyš-

лось полный, то въ семейной жизни у него во всемъ будетъ до-
статокъ, а если колось пустой, то они станутъ жить бѣдно. А
къ церкви ходила смотреть; по одному человѣку стануть и смот-
рять. Кого увидать проходящимъ мимо, тотъ въ этомъ году по-
мереть. Наша старшая сестра такъ пошла однажды. Видеть, идетъ
къ ней человѣкъ, смотреть-смотреть на человѣка, а человѣкъ-то
она сама. Испугалась она и пустилась бѣжать домой. Приняла и раз-
сказала вашей матерѣ. Сама заболѣла и померла.

Въ нашей деревнѣ, если женщина не родитъ, то очень ту-
жить. Можно найти такихъ старухъ; я знаю одну, ее называютъ
баба Лабагы. Она умѣетъ ворожить; я отлично ее знаю. Она счи-
ляетъ куклу изъ тѣста — это будто ребенокъ, и пойдутъ въ по-
ночь вмѣстѣ съ перояющей женщиной на берегъ реки. Жел-
щина упадетъ ничкомъ, безъ пояса, безъ креста, распустивъ
свои волосы. А старуха начнетъ что-то нашептывать. Пошепчетъ-
пошепчетъ, подуеъ-подуеъ и скажетъ: «а, вотъ этого тебѣ, и

a ja-reyt maždi-jak čop; a še-sta avy-l išta ulni-s: täččirčā se čystyūt gula-jilt, jareylf sy-vilā i sy-vilāt maṭa jakš-ilf raškin laṅga; Ki-nūb zyt, kava-nūt, a syñ yina fäst maksy-f, išta-roštova vasty-f; išta godē-š paicā ju-taza, vēsela-sta i čumbracysta; a roštova-styūt čop-čop fāččirčā mōcēf, ulča kunčkasa, a jakša-myūt ko-datt ulni-šf, a syñ pačaftu-myt, čēfē-st natyṭ a-čyt ojmo-ko-kšēnē, a čama-st prok ja-kšifā vāf, a kēdē-st prok to-lbala, i ašt sēfēla jak, a prostu-da fāniūt mōnga-k avyl umy-k soda-myṅza karāni-ū; iki-čā fe arašif valy-š.

Buala go-tā moñ po-mānga kona-robū-tama ama-štuvā, sēñ kaft praksta-t ara-šif; sodak, kāniñ goe kiṅgak ara-š, vāš Ke-pā telefē-k kizyūi-k, a čora-tiū utvakstu-myzyšt poṅksto-ma jakš-šf.

коляды, а теперь его называют сочельникомъ, не бѣлтъ ничеъ весь день; а тогда было не такъ; дѣвушки въ этотъ день гулял, бѣл мясо в сѣ мясомъ ходил по роднымъ; къ кому придуть, уго-тають, а они дають имъ вина. Такъ встрѣчаютъ рождество; такъ да пройдетъ годъ отълично весело и здорово; а на рождество дѣ-вушки ноютъ цѣлый день по серединѣ улицы, а какіе бывали хо-лода, а онѣ безъ платковъ, волосы даже побѣлѣють отъ (ихъ) ды-ханія, а лица ихъ точно красная кровь, а руки ихъ точно огонь горить, а даже не хварывали, а слово простуда и я недавно сталъ знать; прежде не было этого слова.

Въ былые годы на моей памяти у того, кто не годится (д. малолѣтству) работать, не было ни лантей, ни портянокъ; знаѣ, что всякій, кому нѣтъ десяти лѣтъ, ходялъ босой всю зиму в не-лѣто, а парни ходили безъ шаговъ до женитьбы.

Dy še-sta nŕva-kšniš kak avyl išta; godē-nza kāmzi-singā, a popō-š avo-nča: «učyk, kella, ža-rdy kāmga-pksuva to-pōdet, a bida an-čat, a-ži af-žife-jāne». Syň jožo-ft; sohdānza makst, son dāt šorma-dā šorma; da aži toj cšeo usk. Še-sta mo-žoa, še-sty me-ref. A še-sta — ton Le-kyriŕkañ soda-syf? — synet dēda-st ulñi-š pop, žiñiik tašty čerkova-syñt. Še-ñeñ vot koda: koda-k čōtveřt ži-na, dy tuľa-pks godo-ŕy dvuž, dy ma-čij, i kāmgo-tova go-ca u-f-vakšniš. Mon moñe kāmgotova go-ca nŕva-kstufan, a čāfa-m kām-gastuvysa. Dy ton Lova a-fāñt pomna-sak? — «E-na mā-ža! čāj fac ā-ñiñik». — Nu vot son toža kāmga-ftuva go-ca n-fvakstuf. Son joñie-š moñdāñ. Dy son mēre, baba: fānza sajšt komšī-siñgā go-ca. Mon šedi oda-n, a baba: saji-ñ komš ka-pksyva go-ca. Šediki-ñ komšē-tija gōtta i kiñi i dāt maksni jak i dāt sa-jiñi jak; te sa-maj od ŕeve-sta.

Да тогда и женился не так (как теперь); семнадцать лѣтъ ему, а ночь не вѣнчают: «жди, говорить, пока не исполнится во-семнадцать, а если не будешь ждать, то иди къ архіерею». Они хитрые; дай ему, онъ тебѣ напишетъ письмо, да ступай еще от-вези туда. Тогда можно, тогда разрѣшать. А тогда — ты знаешь Лѣнаревыхъ? — ихъ дѣдъ былъ пономѣ, въ старой нашей церкви. У него ночь какъ (было): если четверть вина, да поросенка го-довъ двухъ, да гуси, онъ вѣнчалъ и шестнадцати лѣтъ. Я самъ женился шестнадцати лѣтъ, а отецъ мой двѣнадцати. Да ты пом-нишь старика Леонтія? — «Какъ же! чай мы рядомъ жили». — Ну вотъ, онъ тоже женился двѣнадцати лѣтъ. Онъ мнѣ связы-валъ. Да онъ сказалъ (мнѣ), что ему взяли бабу двадцати семи лѣтъ. Я очень молодой, а бабу взялъ двадцати восьми лѣтъ. Въ ста-ринку раньше двадцати пяти лѣтъ и не отдавали и не брали; это самый молодой невѣста.

Vot koda·miiñ sedikiſa počt' ſajjiiñik. Ka·ſeklaſksa ar·a·s ja·za·ma kaſt. Va·ſki·s ala, a omböeſ laſksa; laſksy·ñiiñ ſulma·f pa·lka, a palka·ñt o·mböce pa·za ſulma·f po·tölyks; veſča kaſksyñ va·fa; ſe va·ſaſñi kaſi·t ſu·ra i ſe pa·lkadyñt kaſni·t čara·ſiiñi i ſury·s ne ka·ñiiñ ju·tksa ja·za·va i tiſa·krugo·m ne ka·ñiiñ ju·tksa koſe·keñt la·ſks. Vot ñet uliiñſ počtè·nek.

Ñej ſesa·k, avanyk koda avatñi ari·t. Ramak ſaſt kručonka, ramak ſaſt ſapy·ñ, ramak ſaſt gary·z, rama·k ſaſt kryžy·vat, rama·k ſaſt iki·lgapača, ramak ſaſt ſurkst, ramak ſaſt pili·kſt; i ſediki·ti ſaži jak ſaſt ara·ſil, a ko·tat, a kole·ſat. Miiñ vot koda ari·ñik; viſiſa·na muška i ava·ſiiñiñ kodè·ſeñek kaſt; mäjñ son koda·so·dä iſta i zabo·tä; miiñik pe·ñiñ ſažija·k i la kaſksñi. a miiñiñiñ dava·j i poſkst i pana·t i praksta·t i vaſga·t i čulka·t i ofečna·nyk kak ſaži·t i tandy·ñ najima·nyk kak nñji·č; i

Вот какъ мы въ старину добывали муку. На кровати были жертвенные камни. Одинъ внизу, а другой наверху; къ верхнему была привязана палка, а другой конецъ палки былъ привязанъ къ потолку; въ верхнемъ камнѣ дыра; въ эту дыру насыпали зерна и вачнутъ вертѣть этой палкой, и зерно мелется между этими камнями и выходитъ со всѣхъ сторонъ изподъ этихъ камней на конякъ. Вотъ это было нашей мукой.

Теперь посмотри, какъ женщины живутъ безъ заботы. Купи имъ кружочки, купи имъ мыла, купи имъ гарусу, купи имъ кружева, купи имъ передники, купи имъ юльца, купи имъ серьги; а въ старину у нихъ ничего не было, ни ботинокъ, ни газонъ. Мы вотъ какъ жили: всебѣмъ коволю и слетѣмъ женщинамъ лампа, потому что она какъ знаетъ, такъ и промышляеть; отъ насъ пускаетъ не сарашиваетъ ничего, а намъ давалъ и штаны и рубашки и портянки и варежки и чулки и даже овчины отъ насъ вадѣлай и ве-

a-jdit kak orče-t i tšy-ti-rit kak anyksty-k. A any-kstamytná pek
lamy árapšt. Kodak čy-jasyž—kaznit, koda-k ma-kseyž—kazni-t,
koda-k ra-štá—kazni-t. Vot náks kua-č-i áfci-kšnyšt tšy-ti-fks. Tou
točé dušnik, loma-nis právi-jat, žary áfává any-kstams tšy-ti-riti,
dy dušnik žarda- any-kstams; včed ava-s mary-nyk nuji. Kizyň-
čášt, pífcá- tšefubášt; sola-fnima la-zga pífcums uelšá, som koct
kodá; a vot du-maka, žardy son šy-fná? Včed mušky-s a-áfa-vá any-
kstams; vašná- targa-ms, mš-jlá naksa-ftams, mšjla čalga-ms,
mšjla tombams, a mšjla ščyrdi-ms; dy kudyn távi-t ka-k tšji-k¹⁾;
ušt-ava-ft, sara-zyt tuy-t andy-t. Še-ata ava-tná i-šta áfášt;
ščyrdi-msta ášt ma-dná, a ščyrdá-ščyrdá i ma-tidivá o-zada; a
tšja-n eščo- ájd-i-ža ža-ryja; káništ krugo-m. Ne fáfi vá-si synct
ušt-št, i čora-túu la-myl dávi-st. Tšefubášt uskš-tana, a Kizyň-
čášt pakša-sa robóta-tana. A oče-fvanyk, kona-n sa-jsyž, ata-fynza
1) tšji-t.

свиною жатву намъ сожиги, и дѣтей твоихъ она одѣни и дочь твою
она спаряди. А спаряженіе требовало очень многого. Какъ только
пресватаютъ — дарить, когда отдадутъ — дарить, когда родитъ —
дарить. Вотъ почему и жали догдо въ дѣвкахъ. Ты самъ полу-
най, человекъ ты смышляеиый, сколько надо приготовить дѣ-
лунисъ, да подумай, когда приготовить; вѣдь женщина жить съ
нами все лѣто, молотить всю зиму; во время оттепели исцалы мо-
лотить, она ткать холсты; а вотъ подумай, когда она придетъ?
Вѣдь конечно надо приготовить; сначала дѣргать; затѣмъ сгноить,
затѣмъ смять, затѣмъ столочь, а ужъ потомъ прясть; да дѣлай
(при этомъ) твою домашнее дѣло: топи печьку, корми куръ и сви-
ней. Тогда женщины жила таковыя образомъ: при приденіи пе-
ложились, а попридѣтъ она попридѣтъ да засѣсть сяди; а у дру-
гой еще много дѣтей; посѣвай вокругъ. Эти дѣла были все ихъ,
а и мужикамъ было много своихъ дѣлъ. Всю зиму мы воземъ, а
въ течение всего лѣта работаемъ въ поля. А молодунка, которую
у насъ возьмутъ замужъ, не увидитъ своего свекра босымъ въ те-

Keřipilgi-n3a kolny gott aňe-senja. I ode-rvaš raštajny-zya
stolekšc a o-jšā, a šta-dy ja-reā; ařvā-žkiññ šññi-mš kanda.
jara-my kññi-riza.

Ещё мініік народнек пек паліт сáññidimada i teñ žuvalm
míníik ulíř lama karēa mēřemanyk. Prymer. Bida tomañš šā
mēřa: «ež, koda ton spravit», aľi «koda ton šupalgadyť», aľi «ko-
dama aždít vadřa», vāšī řeñ karēa mēřneť mīñišunyks. Ki mēřā
«mykryzyn sáññit, vadřyn řājita, ato: epi žart sáññizyt, piēřež
mykryzyť», aľi: «řu! kář čovort sáđijizyt, šisim pakšāñ kolkā-
dať sáññizyt čamazyt. A bida ki mēřā šounomsta: ena, mykrym
palyk, řeñ karēa mēřneť: «čodāñ mykryzyť, dať Vospodī, uliřit,
ato: «vāř apara orma mykryzyť».

чение трехъ лѣтъ. И молодуха, пока не разродится, не садится на
стоять, а ѣсть стоя; каждому подаетъ нить, а ѣсть плетъ, плетъ-
васть.

Еще народъ пашъ очень боится глазу, и отъ него у насъ много
встрѣчныхъ словъ¹⁾. Напримеръ. Если чедовѣкъ скажетъ тебѣ:
«ахъ, какъ ты поправлеся», или «какъ ты разбогатѣлъ», или скажетъ
хорошъ твой ребѣнокъ, всѣ напротивъ этого говорить повелесенъ.
Кто скажетъ: «глазъ твой мнѣ въ задъ, зубъ твой мнѣ въ казъ»,
а то: «горячіе уголья тебѣ въ глазь, сосновыя иглы тебѣ въ задъ»,
или: «тыфу! камнъ и пеньки тебѣ на сердце, муравьи съ семъ по-
лѣй тебѣ въ глаза и въ лица». А если кто скажетъ въ оскорбъ: «ахъ,
ночьлау мой задъ», то въ отвѣтъ на это говорятъ: «дай, Госнода,
чтобы у тебя въ задъ были «францы», а то: «тебѣ въ задъ (бо-
лѣзнь) ракъ».

1) Т. е. таянхъ которыми можно сплести.

Vospodi t'as čaxgyt, čokšneŭ zoŭa Marija, valčkiŭ zoŭa Darija, vanumak, Veršpas, koŭmeŭet, iŭmak makst koŭmeŭetkeŭi, duŭman lomaniŭiŭ saviŭis, oža sālmiŭiŭi sālmiŭiŭis, ŭiža sālmiŭiŭiŭ osodanis, čur t'as čaxgyt, čur amini, čur amini!).

Kodak vasydiŭ kaŭta lomatt, i biŭi vāžkiŭ karuŭi dŭvana ombocēŭi laŭks i biŭi mēŭi, koda ton spravīt, iŭa kodama ŭjdiŭ vadŭi, seŭta ombocēŭi mēŭi: «ŭu! kāt čovōrt šisiŭi pakšaiŭ kotkōdaŭt sālmiŭiŭi čamazyt, (iŭa:) vāčizyn ŭjjiŭ, mŭkyryzyn sālmiŭiŭ.

Kalmalaŭgyŭi oznoma. Suvamsta mēŭi: Pokšēat baŭat, rodifiŭiŭt pravidiŭyŭi nŭist čaŭfiŭk; satana ŭlŭk lazyŭi polga mālga, mēŭksēŭi sēŭks mālga. Mājiŭi mēŭi še kalmuŭiŭ laŭks, komaŭi iŭsa seŭt iŭliŭi

1) Эту молитву читают на сонъ грядущий старухи для отраждения отъ душевнаго (губителя) и глаза.

Господа, Боже помилуй, вечерилъ зари Марія, утрешилъ зари даря, охраня мени, Всевышній кормилецъ, не отдавай меля, кормилецъ, на съѣденіе дурному человеку, на слезъ желтому глазу, на осуду зеленому глазу, чуръ, Боже помилуй, чуръ аминь, чуръ аминь.

Когда встрѣтятся два человѣка, и если одинъ начнетъ смотреть на другого и если скажетъ, какъ ты поправился, или какъ короша твои дѣти, тогда другой скажетъ: «ты-ау! камни и пеньки и съ семи полей муравья тебѣ на глаза и на лицо», (или:) «твои зубы на мой казъ, твои глаза на мой задъ».

Моленіе на могилахъ. Входя (она) говоритъ: Дѣдушка бабушка, праведные родители, да будутъ ваша милости, мы приходимъ къ вамъ за пользой и аспіеліемъ, за перемѣной и облег-

kalmaf syfa lomañ, pıpažynga ašča stoleşńek (od koet), koctenŭ lařks putŭ zakuskiñit, mŭñlŭñ, sařŭ groškŭ i karŭñŭ ŭjsynga kyrgama, a kyrgamsta karŭñŭ eñalduma še kalba azyryñŭi. Meřŭ: Kalmyñ ušdyj ŭma ata i pižŭ ařŭ Ķirej, řašńida iřtama lomañ, řta řazyñ poľgañ řŭřńića, řazyñ poľgañ tujića, meřksen sŭksen maksyća.

Mŭřŭ taga meřŭ: «Pokřŭat babat, ŭřiza řańřŭk, ŭřiza řŭlyřŭk. Vana řŭńŭk, vana (řŭñ sŭřeřeřańŭ) řarta, řazyñ poľga řŭřŭga, řŭenks sŭks řŭřŭga. Mŭřsta řař, řŭřsta ŭřŭ? Mořŭ řař řŭmsta, mořŭ řař řdoreřta, mořŭ řtamařta řramsta, řeřŭñ valyñ řeřŭmsta. Vana, kořŭneřeř, řŭńŭk, vana, kořŭneřeř tyřŭk lařks řiřŭñ pańŭñ řtŭřŭpańŭk řarta, řanañ řiřŭańŭk poľřańŭk řarta, ařŭ řkařeryńŭk řarta, maksyřa (řŭř.) ŭřořŭřŭńŭřŭ». Mŭřŭ řŭřŭřŭřŭ i meřŭ: «Pařŭba pařŭba meřksen sŭksen maksyćańŭñ, řazyñ sŭksen tujićańŭñ. Van řŭřŭk, kořŭneřeřken, kyrgań pońda řižŭ pońda řŭřŭ.

ченіємъ. Потомъ она пдетъ на ту могилу, гдѣ всѣхъ прежде похороненъ старый человекъ, постелеть со стороны головы столешникъ (новый холстъ), на холстъ положить закусочки, медку, возьметъ грошикъ и шачетъ имъ ширшать, а ширкая шачетъ просить хозяина той могилы. Скажетъ: Положишииъ начало кладбищу, Тимоѣѣ старшій и малое дитя Кирей, видите такого человека, который ищетъ пользы и исцѣленіе, приносить пользу и всѣленіе, даетъ перемѣну и облегченіе.

Потомъ опять скажетъ: «Дѣдушка, бабушка, да будетъ ваша милость. Вотъ мы пришли, вотъ вмѣстѣ съ (нимъ болшиаго), и пользой и исцѣленіємъ, за перемѣной и облегченіємъ. Съ чемъ пришло, съ чего сталося? Можетъ быть, пришло съ шума, можетъ быть, пришло со вздора, можетъ быть, со вѣтаніи и съ шаденіи, съ произношеніи дурного слова. Вотъ, кормилецъ, мы пришли, вотъ, кормилецъ, къ вамъ съ испеченными и состряпанными кушаньями, съ рашеною пищею и питіємъ вашимъ, съ бѣлою скатертью вашей, дайте (вмр.) прощеніе». Потомъ она съѣтъ

vāšiniānū satītyk, vāšiniānū ušarītyk; kopejkaū kopejkaū jāviņk, deņeškaū deņeškaū jāviņk, vāšiniānū ulīza, vāšiniānū satyza, lāzyū polgaū maksyčāniū, mēnksēn sēksēn tujicaāniū. «Mājā čurasy pīfasy krugom sēdēdēdūt, kolmōkst šukyā modas i tujit kudug.

Pas čangyt, čurasa pīfasa (нмр.), šizgāniū šisim čur, šizgāniū šisim amīn.

Ežžama. Niškīpas čangyt. Vērepazyū čādē pērvōj mastyryza, mastyr lāyks čādē pērvōj moda slojeza, tosa čādē modānt lāyks šovōn slojeza, Vērepazyūt šovōnēnt ājsta tājšt pēdka. Mājā Vērepazyūt šovōnēnt ājsta tājšt čakš. Vērepazyūt modānt lāyks čādē vīr. Se vīfīnt ājsta kārdst tumyū pēn. Molā dēduška Mišej uzīfīnza mārta. Dēduška Mišej, māšt jakat? Dy vot māšt jakau, kāfasa te tumyūt i ušca šc

это и скажете: «Спасибо, спасибо давшему перемѣну и облегченіе, принесшему пользу и облегченіе. Вотъ, мамъ, кормилицъ моя, я чиркаю пудъ мѣды и пудъ серебра, сдѣлайте такъ, чтобы всѣмъ хватило, чтобы всѣмъ досталось; по копейкѣ раздѣлите, по денежкѣ раздѣлите, пусть будетъ всѣмъ, пусть хватить всѣмъ, давшимъ пользу и исцѣленіе, принесшимъ перемѣну и облегченіе. Потомъ зачурать больного вокругъ, трижды поклонится въ землю, и пойдутъ домой.

Богъ помилуй, я зачурала (нмр.) семьдесятю семью «чурамш», семьдесятю семью «аминими».

Пряговоръ. Нишкннзъ, помалуй. У Бога родилася его первал земл, на поверхности землi родилася его первый земляной слой, потомъ на землѣ родилася его глинный слой, изъ глины Всевишняго сдѣлали мечку. Потомъ изъ глины Всевишняго сдѣлали горюжъ. На землѣ Всевишняго родилася лѣсъ. Въ этомъ лѣсу срубилъ дубовый пень. Идетъ дѣдушка Моисей съ топоромъ. Дѣдушка Моисей, что ходишь? Да вотъ что хожу, срублю этотъ

peckańt. Vot koda palá peckasyńt tamyń páńgíš, ísta palyza (имр.)
śádijiza (имр.) málga. Koda laká Verapazyńt čakšyza, tarka ežen
a muja, ísta (имр.) lakaza śádijiza (имр.) málga. Niskipazyń masy-
tyr layks čáčč ełđeza. Niskipazyń koda vašija ełđeza, koda ełđe-
večkš vašynga i praftá málgauga, večkessa i praftyza (имр.)
(имр.) málga. Niskipazyń čáčč skalyza (и т. д.)—gułkińá — ča-
nava — písmar, — žavronka...

Káľnińćima. Ińiváďńńť knučkasa ostrov, ostrovńńť knučkasa
tuma, tamyńt ala stol, stol ekšćěńť iřicia lomatt, śńńńť, gńľńńť,
vářki vářkist layks šavyřksnyť, vářkist vářkist ájsa pozóřet, to-
myńti šulmatt kolma vářgíst, vářkist vářkist ájsa šezńet nozněť.
Koda ěe vářgíšńá vářkist vářkist ájsa šezńet nozněť, ísta (имр.)
mařta šezńeza nozneza.

дубъ и истоню эту пещу. Вотъ какъ горять въ пещѣ дубовыя
дрова, такъ пусть горить (имр.) сердце за (имр.). Какъ кинить гор-
шокъ Исеньшннго, не паходить мѣста, такъ пусть кинить (имр.)
сердце за (имр.). У Нишкиназа на землѣ родилась кобыла. Когда
ожеребятся Нишкиназова кобыла, какъ любить кобыла своего же-
ребенка и гонится за нимъ, (такъ) пусть любить и гонится (имр.)
за (имр.). У Нишкиназа родилась корова и т. д.—годубка,—мо-
точка, — скворецъ, — жаворонокъ, и т. д.

Отговоръ. Посреди большого моря островъ, посреди острова
дубъ, подъ дубомъ столъ, за столомъ пьяные люди, ѣдутъ и гу-
ляютъ, другъ на дружку покачнулись, другъ дружку сраматъ
къ дубу привязаны три волка, другъ друга рвутъ терзаютъ. Какъ
эти волки рвутъ терзаютъ другъ друга, такъ (имр.) вмѣстѣ съ
(имр.) пусть рвутъ терзаютъ.

Tumyni ala kandyma. «Inivadiu tombaldä sas baba, kšniü šark
kedenzä, kšniü kofejat pilginga, kšniü palka kečezä vefej kšpi-
dizä, aluq vačkydizä, mastyrü päjt straftyžä komafyžä. Mäsi-
tiü päjt sän kačamyks noldežä (vmp.) urmanžä tarvynga. Še babaš
straftyžä kalafeyžä šumsta safynga, zdorota safynga i prama
urkai narfyčingä i väd narfyčingä i tol narfyčingä i varma nar-
fyčingä. Še babaš straftyžä, še kalafeyžä, še varma inälga nol-
dasyžä».

Kortaftama kardazyü kuvalma. «Jurtyü kirdij jurtava, kšniü
jockeü Bas, koimeuec, ašcyk kardajsa, vanyt skofenat tohč, ašcyk
kisyt košagaks, šiväžkä tarkas čarftimak dšnian lomanüä, tolda,
čarftimak väšniü tarkas».

Какъ кладутъ (большого) подъ дубъ. «Съ той стороны большого
моря пришла старуха; желѣзныя вилы ея руки, желѣзныя конья ея
ноги, желѣзную палку она подпала рукою сасею кверху, уда-
рала внизу, вокругъ земли разложила, опрокинула. Вокругъ неба
она пустила свинимъ дымомъ (vmp.) болѣзнь и болести. Та старуха
разгонитъ разорвѣтъ притку отъ шума, притку отъ вздора, бо-
лести (?), причипенныя падениемъ, болести (?), причипенныя водою,
болести (?), причипенныя огнемъ, болести (?), причипенныя вѣт-
ромъ. Та старуха разгонитъ ихъ и разорвѣтъ, по вѣтру пуститъ ихъ».

Заговоръ насчетъ двора. «Содержащая корень доха юртава,
огня срѣзаннаго отрубка, кормилица, будь на дворѣ, сама смотри
за скотиной, будь для нея какъ стѣна, наставь меня на разумъ
на каждое дѣло, (ограждал) отъ злого человека, отъ огня, на-
ставь меня на разумъ на всякое дѣло».

Šoksna pāckit žertvaks atakš, kavināt lauks noldasyž vārit
pāckimsta mēdā pāckidās: «Jurtyņ ģirdij jurtaſiņiņ, kāfān žockēn
Bas, koīmēneckēn, tñi Jāms pāckinā, ašcyk štvāžki tarkasa ticā
narmytiņi ģisa, kardajay skotenān ģisa raštanga rapyndamga.
Mājli pidišyž, pucyž stollaraks, dājit braga, kāpidit osks tagy iša.
«Pas čažgyt, Pas čažgyt, koīmēneckemat, jurtyņ ģirdij jurtaſiņiņ
kāfān žockēn Pas koīmēneckēn, vana, pidiņik pañiņik ašy Ked-
nēsa, čožža mēlnēsa, vana, koīmēneckemat, jurtyņ ģirdij jurtaſi-
ņiņ, kāfān žockēn Pas, koīmēneckēn, peškšā stolņeiņ marša
āfan, peškšā stolņeiņ marša oznā». Sajā kaša čakšā, stoleāt laryž
kāpšā i kortā: «Vot jurtyņģirdij jurtaſiņiņ, kāfān žockēn Pas
koīmēneč, žara kašasynt jandskit, šnara makst āfama čy». Mājli
saldyrkscynt tokasy i mēdā: «Jurtyņģirdij jurtaſiņiņ, kāfān žockēn
Pas, koīmēneckēn, žara saldyrkscynt salnyt, šnara makst šēne-
jazynyk čumbraņ paryņ čy». Syvillāt kāpšcy i mēdā: «Vana, sarašā
pāckin lañizyt, Pas čažgyt, Pas koīmēneč, vana oznātana, vēte

Осенью рѣжутъ въ жертву пѣтуха, пустить кровь на камень.
При рѣзаніи рѣжущія говорятъ: «Содержащая корень дома юрта-
вушка мол, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица мол, нѣ тво-
имья зарѣзать, будь на аспкомъ мѣстѣ за птицу, на дворѣ за ско-
тину, чтобы она плодилась и гучила». Потомъ сварить его, по-
ставить на столъ, приготовить брагу, поднимуть моленіе святи-
такимъ образомъ: «Боже помилуй, Боже помилуй, ты мой кормилица,
содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка,
кормилица мол, вотъ, мы сверели вемскіа бѣлою ручкой,
съ легкимъ намѣреніемъ; вотъ, ты мол кормилица, содержащая
корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица
мол, я живу съ своимъ полнымъ столкомъ, я молюсь съ своимъ
полнымъ столкомъ». Возьметъ горничекъ кашу подниметъ
падъ столомъ и скажетъ: «Вотъ, содержащая корень дома
юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, скоде-
въ кашѣ крушиюк, столько дай дней жизни». Затѣмъ догронета
до солонки и скажетъ: «Содержащая корень дома юртавушка

kápítcyník kešenék, mastyrón noldasyník šuk přanyk. Vana, koř-
mešeckeńk, oznétana kuca šeńejań ġis, maksyzat kuca šeńeja-
ńiń čumbra paryčy, kardajsy skotenaińiń ru-štams rapyndams.
Jurtyń ġirdij jurtańińiń, káńiń žockeń Pas, kořmešeckeń, aščyk
túń, kořmešeckeń, košagaks. Májla lotkeť i karńiń jarcama.

Búla pry ašči, šukýńafńisyz: «Jurtyń ġirdij jurtańińiń, káńiń
žockeń Pas, kořmešeckeń, večkat jakijďa, večkat pakijďa, večkat
lijďa aščyjďa, večk šicěaly pryčady jak. Moža, praš (имр.) langy-
zyt, moža von tombeńžet, a ton sonzy tombeķ; uproštek, jurtańi-
ńiń, kořmešeckeń, uproštek» (lognoms kolmókšt i šukýńafńims).

богния срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, сколько въ солонкѣ
зрелость, столько дай добра нашему семейству». Подпишетъ мило
и скажетъ: «Вотъ, я зарѣзала въ твое имя курочку, Боже поми-
луй, Боже кормилецъ, вотъ мы молимы, кверху подымаемъ наши
руки, къ полу опустимъ поклонныя наши головы. Вотъ, ты
наша кормилица, мы молямы, въ домѣ за семейство, чтобы ты
дала въ домѣ семейству здоровья, во дворѣ скотнигѣ размно-
жаться и тучнѣть. Содержащій корень дома юртавуника, богния
срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, будь ты сама, кормилица
моя, стѣпою». Потомъ перестанутъ и начнутъ есть.

Если упадетъ ребенокъ, заставить его кланяться: «Содержа-
щій корень дома юртавуника, богния срѣзаннаго отрубка, корми-
лица моя, ты любишь ходящихъ, любишь проходящихъ, любишь
вставущихъ и пребывающихъ, люби и встающихъ и падающихъ.
Можетъ быть, унагъ (имр.) па тебя, можетъ быть, онъ тебя ушибъ,
а ты его ушибла; прости, юртавуника, кормилица моя, прости»
(читать трижды и заставить кланяться).

Biđā lomañiñti sy karča, šesta oznēt kolma paznyñ: Vīdā čynpaznyñ, Saspaznyñ, Časpaznyñ. Oznēt ištāña:

Stoļ lažks ašēyt stoļšņēk, pntyt stoļšņēkēnt lažks ištānyž kocktā, štyba vāšij tokast kocktēntē. Pntyt čumibrakšy, saldrys, kaša čakškā, kašta šukyrnyt, vāžkīs Saspaznyñ, ombōcēs Časpaznyñ. Mājlā kyrvāšit pazava ugylc čela švēča, a eščo vāžka kšīñ čačk rovnašta i kyrvāšcyž kākžkšyñ kašta bokava i karññit oznoma švēča pātñiñ palums, a oznomsta bañiñis arā stoļēnt i kšij. Tokasj čumibrakšyñti iñēfā: «Vīdā čynpas, koñmēñē, vīdā čy, vīdā kšy. Mājlā tokasyžā šukyrnytñiñ i tuja kākžkšlangyñ oznoma. Šukyrñ mastyrnyž lamykšt i iñaldā Saspaznyñ i Časpaznyñ. Vāšymsta koptā ištā: «Šaspas, Časpas, koñmēñē, pañžadyñ kākžkšca vāštana Ivanynyñ mēžksēnža sēžksēnža, makst tānžamēñks, sēžks, poļga». Mājlā kašadyñt pātēka sājy i kārā vīška koļomñā, sāñsy i šukyrnytñiñ

Если человеку попритчится, тогда молятся трем богам: богу цѣлаго дѣла, богу притока, богу времени. Молятся такъ:

На столъ постелюють скатерть, на скатерть постелюють такой кусокъ холста, чтобы всѣ дотрогивались до этого холста. Поставлять хлѣбъ, солонку, горшечекъ каши, двѣ лепешки, одну богу притока, другую богу времени. Затѣмъ въ божицѣ зажгутъ цѣльную свѣчку, а еще одну разжгутъ ровво пополамъ и зажгутъ въѣ по обѣимъ сторонамъ двери и начнутъ молиться до тѣхъ поръ, пока сгорятъ концы свѣчей, а во время молитвы старушка становится передъ столомъ. Она дотронется до хлѣба и скажетъ: «Богъ цѣлаго дѣла, кормилецъ, цѣлый день, цѣлый путь». Затѣмъ она дотронется до лепешекъ и пойдетъ молиться къ дверямъ. Поклонялся много разъ въ землю и просить бога притока и бога времени. Молись, говорить такъ: «Богъ притока, богъ времени, кормилецъ, въ растворенныхъ дверяхъ просимъ для Ивана перемѣны и облегченія, дай ему перемѣну, облегченіе и лѣгость». Потомъ она сѣсть ложечку каши и сѣзжетъ маленькую горбушку.

asa čučkin saŭa. Mājla ņe ostatkatīnī auyņģā vāšij ās šeime-
jaucīj.

Patyt čumbrakšy, kašačakš, saldyrks; kārīt odgoctloskōtkā
aļi alyca. Še udgoctkeūt acyž stoleūt kumtkas i čumbrakšyūt i
saldyrksyūt i kaša čakškiūt i vādūra arafeyž iša, štyba vāšij to-
kast kockloskōtkēu larķs; kyrvašūt kafty švečat i karinīt oznoma.
Šefedečas pry komada, a oznēčas karinā loymoma. Sajsyj čumbra-
kšyūt, kārīcey i ņefā: «Sašpas, Časpas, Vīdīcyūbas, kořnēcē,
vany, ūl tejeūek čumbrakšy ašy kedūesa, čožža ņelūesa; Ivau
dāt šukyūā, šuk prīnā kadā, a ton makst tūza čumbračy, sēckskā
meņkskā, poļa lēka». Mājla sajsyj kašačakšyūt, kārīcey i ņefā:
«Vīdīcyūbas, kořnēcē, vany, žara kašačakšyūt jamkskīt, šnara
makst lvannyū čumbračy. Mājla kārīceyj saldyrksyūt i ņefā: «Vī-
dīcyūbas, kořnēcē, žara saldyrksyūt saluyt, šnara lvannyū makst

сѣсть, в отъ лепешекъ чуючку сѣсть. Затѣмъ эти остатки
оставитъ всей своей семьѣ.

Поставить большой кусокъ хлѣба, горшокъ каши, солонку;
зажечь лоскутокъ новаго полотна четырехугольный. Тотъ но-
вый кусочекъ полотна постелютъ на середку стола и поставятъ
хлѣбъ и солонку и горчешекъ каши и подипу такъ, чтобы всѣ до-
стигались до лоскутка полотна; зажгутъ двѣ свѣчи и начнутъ
молиться. Больной упадетъ навзничъ, а молящійся начнетъ при-
нимать. Возьметъ хлѣбъ, подниметъ его и скажетъ: «Богъ при-
иди, Богъ времени, Богъ цѣлаго дна, кормилецъ, вотъ мы при-
сталили тебѣ хлѣбъ бѣлыми руками съ легкимъ памѣреніемъ;
намъ тебѣ кланяется, оставляетъ поклонъ, а ты дай ему здо-
ровье, облегченьце перемѣлушку, пользу лѣгость». Потомъ
онъ возьметъ горшокъ каши, подниметъ его и скажетъ: «Богъ
цѣлаго дна, кормилецъ, вотъ, сколько еѣ горшкѣ каши крупн-

čumbraňbaryčyč. Majšl kápŭčyč űadınt i meřa: «űidŭčyčbas, kořmeňeč, koda űadıňnt kŭčak űaňksta, iřta İvannyň gak čajŭ űaňksta».

Pidŭt tűvŭň bŭa i čajŭt čehagkŭt i űaři rodčš puruňit šŭť rođ blemasty i šŭť syři badiňš sajsy še tűvŭňť pŭaňť i moľečjurtavaň ġŭvŭňti i űaři laňečyč; badiňš i kariňš meřeňš: «Jurtŭň ġŭťčj, jurtava, kŭřaň čŭčkŭň Bas, kořmeňeč, űana řat řaňizyt řačkŭňiň tűt, i űaři pŭaňť kandyňiň toňšť, a řšřaňiň řaňi ton gadat? A ton řiňđaňiň makř řeňejaňti čumbraň paryčyč, skŭřeňaňtiť gak makř čumbraň baryčyč, řařtařt rapŭndast». Majšl čorař sajsy tűvŭň bŭaň i tűja marŭňža řŭčyň ġajsa tűvŭň ġarc. A řeř sajŭť űaři řaňžŭ řaňžŭ řnskŭňš i tűjŭť řaňžŭ kudga i ġarcama i ġuľajama.

ночь, столько дай Ивану здоровья». Затѣмъ подниметь солонку и скажеть: «Богъ чѣзлаго дня, кормилецъ, сколько въ солонкѣ кринокъ соли, столько дай Ивану здоровья и добра». Потомъ подниметь воду и скажеть: «Богъ чѣзлаго дня, кормилецъ, какъ ты чисто содержишь эту воду, такъ и Ивану очисти».

Жертвоприношеніе во время рождества. Варят свиную голову и готовятъ выжимки, и всѣ родные съдятся со всего рода племени, и всѣхъ старшая старушка возьметъ ту свиную голову, и пойдутъ на камень юртавы и всѣ прислудтъ; старушка и начветъ говорить: «Содержащая юрешь дома, юртава, Богъ сруба, кормилецъ, вотъ въ твое время зарѣзали свинью и всю голову принесли тебѣ, а вымъ что оставишь? А ты памъ дай для семьи здоровья, и для сѣтѣны дай здоровья и добра, чтобы ялодѣлась и тучи́зла». Потомъ мужикъ возьметъ свиную голову и поидеть съ немъ въ свиней хлѣтъ, находящійся въ ссновомъ бору. А тѣ всѣ возмуть по одному кусочку и пойдутъ затѣмъ по домамъ и їсть и гулять.

Kocomónt laŭksa ĉénaukst saĵit váŭŭá váŭŭá, saŭsyž i tuĵit kudau. A tavyú pránt saĵsy syŭa babiúá i tuĵá píčyú gajsa tavyú kardny i kariúá oznoma, a kyda oznová, tuĵá kudny i kariúit knca omedama. Ozaét iŭta: «Jurtyú Kirdij, vana kaŝa ĉakš, žara ájsynža jamkst, šúara makat táŭit para». Saĵsyj tavyá pránt i méř: «Jurtyú Kirdij, vana tavyá prá, taúŭij duŷ, táč, makst táŭit ĉum-brácy».

Ruŷyú oŭksúema. Saĵit jakštířa suřa i tuĵit prama tarkaúti, a babiúis kariúá oznoma. Pířauža kragum suřit oŭkstasyj i méř: «Mastyr ava, mastyr pas! makst pířazyuža práúá, sařizynuža ářná, ruŷyzyuža ruŷga, kédŭezóža kédŭet, pířizynuža pířŭit, ářŭitizynuža ářŭitit, i kariúá vářná uprošĉénija. «Mastyr ava, mastyr Pas, uprošĉek Oŝkaú. Oŝka práš laŷyzyt, toú tomŭeŭ-jeť, eto ton tomŭek Oŝkaú, uprošĉek. Moža Oŝka práš áĵit kakšyt

На горбушку возьмутъ выжимокъ по одному кусочку, съѣ-
дятъ и пойдутъ домой. А старая старушка возьметъ свиную го-
лову и пойдетъ въ свинной хлѣбъ, находящійся въ основномъ бору,
и начнетъ молиться, а когда помолятся, пойдутъ домой, и начнутъ
дома обѣдать. Молятся такъ: «Содержащая корень дома, вотъ
горшокъ каши, сколько въ немъ крупинокъ, столько дай намъ
обра». Возьметъ свиную голову и скажетъ: «Содержащая корень
дома, вотъ свинная голова, сладкій запахъ тебѣ, намъ дай здоровее».

Мѣряю стана. Возьмутъ красную нитку и пойдутъ на мѣсто
паденія, а старушка начнетъ молиться. Вкрутъ своей головы
хѣраетъ нитку и скажетъ: «Матушка земля, Богъ земли! дай на
вершину его головку, на ростъ его ростъ, на стагъ его стагъ,
на ручки его ручки, на ноги его ноги, на глазки его глазки», и
скажетъ просить прощенья: «Матушка земля, Богъ земли, прости
Осыя. Осыя упалъ на тебя, тебя ушибъ, а ты ушибъ Осыю,
крости его. Можетъ быть, Осыя упалъ на твоихъ дѣтей, прости

laņķs, unēkat ājdīt uprošceK. Kuvaļ nēyk šuk pīrīnūza, Ošak kuryk maksyk čumbračūnūza. Mājā šukyā i mofā: «Pašūa, mastyr ava, mastyr Pas, meūksēn sēksēn maksūmazyt, polgūa lekaū maksūmazyt». I tujā, a še suriūt kaey tosk i kadā kšy ko-čomūā kāūšūnūška, kolna jamkskīč, kafta kolna saloyt, vāžkāko-mōla pīa, koctloskōtKā da kyrgā groš. šēngak tosk kacy, i tujē kudun. Kudun mofemsta mīKij a vanyt.

Āžē kakšyū orōžējama. Ājdīs avānt beņemasi, a orōžējašat karčyzynza i saja kēdžēnza pājil i karīnā ājdīnt ājsa kārūnā pākā laņga sasčyūā i karīnā lojūmna: «Nīskī pas čazgyt. Mājā saš, mājsta ufe tūnza, moža saš čūmsta, moža saš zdoretā, moža saš juremsta, šūmsta, moža saš pofaflūmsta. Mājsta saš, mājsta ufe? Koda te kšūis undyksta taracta jaņš, iša (ump.) urnaža

своего вѣука и дѣтя. Долго ты ждала поклонной головушки, отиди скорѣе Осяново здоровьлице». Потомъ поклонится и скажетъ: «Спасибо, матушка земля, Богъ земли, за то, что ты дала перемѣну облегченію, за то что ты дала легость и облегченіе». И пойдетъ, а ту пятку оставить тамъ и оставить гирбушку хлѣба съ ноговою, три крупнѣшныя, двѣ три крупнѣшныя соды, одну верхушку хмеляшка, доскутокъ хмеля и скобленый тростъ, и тотъ тамъ оставить и пойдутъ домой. Надъ домомъ, назадъ не смогнеть.

Ворожба надъ дѣтями. Ребенокъ въ рукахъ матери, а ворожея становится противъ него и возмаетъ въ руки пося и начнетъ скоблить по ребешку идомъ жстога поттохому и начнетъ причитывать: «Ничкиная помелуй. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось ему, можетъ быть, случился отъ шума, можетъ быть, отъ вздору, можетъ быть, отъ жда, отъ шгыя, можетъ быть, отъ кормленія. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось? Какъ это желѣзо отдѣлалось

tarvyza javyza aša ličastynza pociastynza, šadijstynza, šadij gruc-
tynza, vīt kārē bokastynza, ojiēn targapn tarkastynza. Kolna
ojmenza a mon kārasyū, a mon pāčksyū, Ņiški pazyn saš loni-
niža, saš mastyr laŕga jakamsta. Še maksā lāza polga, še maksā
meiŕks sētkš.—Tē loynoms kolmōkš. Mājla pazaviņiža tokššak, i
pāidā.

Kdykilij kafty kārķš jutks arastyt komada paš, langyzynza
acyt stofēšūek, stofēšūekūt laŕks acyt koci loskōtkā nīlā uŕyla,
šyba ugylynza ulist ištamyška rovnasta, šyba vāžkā jak sufā ko-
najak bokasyūc ifazy nē lišnyj. Mājla še loskōtkēnt laŕks putyt
bšy, saldyrks; saldyrkyūt laŕks štafyt švēca i kyvāscyž še švē-
cūt i kona locaniū laŕks duņit, še babinis i mēd: «Eŕks Pas,
kōrmeņec, Oška mēd beŕān valynza. Pazyū godaš beŕān dāzyza,

отъ створа и вѣтра, такъ (имр.) болѣзнь пусть отдѣлителъ отъ бѣ-
лаго лица и козп, отъ сердца, отъ груди, отъ праваго и лѣваго
бока, отъ мѣста, вытягивающаго душу. Три его дыханія не я сръ-
залъ, не п обрѣзалъ, пришелъ человекъ. Нямкиваза, пришелъ
послѣ хожденія по землѣ. Онъ дастъ легость облегченіе, онъ дастъ
облегченіе перемѣну».—Это причитывать три раза. Потомъ по-
вторенъ образкомъ, и довольно.

Въ сѣняхъ между двумя дверьми поставить навзпичь кадущку,
на нее постелютъ скатерть, на скатерть постелютъ четырехуголь-
ный лоскутокъ полотна, чтобы углы его были такъ ровны, чтобы
на одна пятка на на одномъ боку не была лишнею. Потомъ на
тотъ лоскутокъ поставить хлѣбъ, солонку; на солонку поставятъ
свѣчу и зажгутъ ту свѣчу и на котораго человека думаютъ, та
старушка скажетъ: «Богъ проклѣтій, кормилецъ, Освѣтъ сказалъ
дурное слово. У Бога случилось плохое времячко, а Иванъ слу-
чился при выходѣ или входѣ; прости, Богъ проклѣтій, кормилецъ,

a Ivan godaŭs kšimsta suvamsta; uprošteŭ, Efks Pas, kormienieŭ makst Ivanyŭn mienkskŭ sŭkskŭ, ŭtaŭtyk, pičkaŭtyk, noldeŭ j-kama, staka robotŭn robotama. Mŭjŭla ŭkyniŭt kavyŭnist i mŭeŭt. «Pašiba tŭt, Efks Pas, kormienieŭ, mienksŭn sŭksŭn maksumazy. Babiniŭt iŭiŭla oznomsta sŭredŭŭŭŭt panar, mŭjŭla sŭjsy ŭe panaryŭt i makscy sŭredŭŭŭŭt, rapŭŭŭt kajafcy, a tŭŭ orŭafcy. Kajamsty mŭeŭt: «raŭŭa panaryŭt marta Ivan skoŭponŭa boleŭŭŭŭŭ knjavyŭza, ŭumbraŭŭŭŭŭ marta vasydŭza, a aŭŭŭt marta orŭavyŭ mienksŭŭa sŭksŭŭa. Efks Pas, kormienieŭ, ŭŭŭ son Ivanyŭs glupŭŭŭ, a soda mŭŭŭŭ jak, a ton proŭteŭ, Efks Pas, kormienieŭ, uproŭteŭ uŭ, pičkaŭa». Mŭjŭla paŭŭŭt laŭksta sŭjsyŭ i purnasyŭ, a kodamyjaŭ sy ŭiŭŭŭŭŭ i ŭŭŭ ŭŭŭŭŭ makscyŭ, kŭŭŭŭ i koctŭŭŭŭ.

дай Ивану перемѣшку облегченіе, подними его, вытѣчи его, пусть его ходить, тяжкую работу работать. Потомъ они оба шкловятся и скажутъ: «Спасибо тебѣ, Богъ проклятія, кормилецъ, за то, что ты далъ перемѣну в облегченіе». Во время молель передъ старухой (лежитъ) рубашка больного, потомъ она возьметъ ту рубашку и дастъ больному, грязную заставить сѣднуть, а зувелитъ падѣть. Во время складыванія она говоритъ: «вмѣстѣ съ грязной рубашкой Иванъ пусть снѣдетъ свою скорбь и болѣзнь, пусть встрѣтитъ съ здоровьемъ, а вмѣстѣ съ чистой рубашкой пусть надѣнется его перемѣна и облегченіе. Богъ проклятія кормилецъ, вѣдь онъ Иванъ глупый, ничего не знаетъ, а ты прости. Богъ проклятія, кормилецъ, ужъ прости, пусть выздоровѣетъ». Потомъ возьмутъ съ кадушки и уберутъ, а какому-нибудь нищему который придесть, все это отдадутъ, хлѣбъ и полотно.

Panar vėlkska kortaftuma. Norog avā, Norog pas, koime-
šes, mīrīn ž'āžāfīn trīj; mīr ž'āžāf trāt vanat, mīrīnū ž'āžāfīnū para-
šjat, i vīfat i pūfat i šādij vīfat, makst mēnkskā sēlkskā i Ivan-
ynū gak.

Mājla panaryāt kārkš porogōn troks orčafcyž sēredēcūnē
larkš.

Jurtyņ girdij jurtava, makst Ivannyi oftēn šardyū vīj robō-
tams kāpūdīms valftums i alašūnfi gak makst sokams vīdīms.

Ģidīt kušlat, arafcyž stollayks, oznomsta arčīt vāšij šenjom
adašū, a ikilij arū syā bābiā i karmā kušlān oznoma. Oznomsta
mērā:

Заговоръ надъ рубашкой. Норовъ ава, Поревъ Богъ, кор-
милецъ, питающій насъ мїръ¹⁾ (?); ты кормилъ и соблюдалъ весь
мїръ, всему мїру ты дѣлаешь добро, и поправляешь, и направ-
ляешь, а сердце поправляешь, дай перемѣнушку и облегченьце
также и Ивану.

Потомъ черезъ дверной порогъ падѣнуть рубашку на боль-
ного.

Молитва передъ вѣшней. Содержащая корень дома, юртава,
дай Ишчу сиду медвѣдѣ на работу, подниманіе, опусканіе и ло-
пади дай — на паханіе и сѣяніе.

Великій четвергъ. Сварить кисель, поставить его на столъ,
во время молитвы всѣ стануть всей семьей позади, а впередъ ста-
нетъ старая старушка и начнеть замалывать кисель. При молитвѣ
она скажетъ:

---

1) Ср. жокш. šāžāf «Stadt» (у Paasonen Mordv. Lautlehre, с. 116, съ погр.
ошибкой).

«Pas čarгыт, kоrмeнec, kоrмeнecкeн, Pas čarгыт, ašык sa-
rуnyк салынык kis, mаžā moda lарks kаjиnиk, mаžā moda poc va-
liиk».

«Moroz ata, vana moroz ata, vana kаšla pānčkā šimt; čast pi-
nиnиnyк, lučy čast bolōta da luga», i pucy kаšla pānčыnиt vеr val-
mas šeмejaнt jarcams, a mаjla sajsy i sonē sajsy.

Sedikilā šeмeјasa tājиst ištа. Mujit vīrcta kоrеn lарksta kоskā
lāјks. Še kоskā lāјksyнt čavīt gыj i vauфыт ajsynza kаca i biд
šeмeјasyнt mаžијak јиnа i amнјиva, šesta še šeмeјaнt atās pa-
nasy vāši vākаca šeмeјanza i še gнјиn žаuma palkaнt pucy kаžs
porōgōn troks i vāši šeмeјanza paнcyj še palkaнt troks. Kona sa-
lyнžā, mаjla še kоskā še lāјksyнt laca.

«Помилуй Богъ, кормилецъ, помилуй Богъ, побуди ради нашей
хлѣба-соли, которую мы бросили на землю и которую зава-
лили въ землю».

«Морозъ старикъ, вотъ, морозъ старикъ, вотъ, выкупай ло-
жечку киселя, убей ямъ овесъ, лучше убей болота и луга», и позо-
жить она кисельную ложку на верхнее окно (на печкѣ), пока семья
ѣсть, а потомъ взять и сама съѣсть.

Въ старику въ семьяхъ дѣлали такимъ образомъ. Найдутъ
въ лѣсу сухую лутешку на корню. Той сухой лутешкой убьютъ
змію и берогутъ ее въ домѣ, и если въ семьѣ пропадетъ что-ни-
будь и не найдется, тогда старшій въ той семьѣ соберетъ всю
семью въ одну пазу и положить ту палку, которою убита змія,
посрекь порога и погонить всю семью черезъ ту палку. Кто
украсть, тотъ потомъ высохнетъ, подобно той лутешкѣ.

Nalksimat.

Končke-sa. Šalini-nza vā-χkiñ šulma-syz i ara-feyz kudy-ka-nčkas, a osta-tkatññ karñi-t krugo-mganza sa-lava jaka-ma, ko-sta lančy-z, a tiža i ma-dā ma-styrug¹⁾, a kona eže-ms sala-va kuñā; a ode-čās ke-denga tā-čksyñžā i ja kā ku-dynf krugo-m, ku-ñā, vāšūā. So-n jakā šnare, za-rda tā-nza po-χgā kiža-k. Ko-uañ ku-ndasy, šeñ šalini-nza šn lmasyz. Še i karñā. taga ištā-kudci-mā i vāšni-mā.

Kuñi-sa. Kuñi-sa vāšūa-ka-jit kiñi-ñ sa-tā kufa-ms. Arā, čama-nza ara-fey šte-nas, šalini-nza koñā-syñžā i ašča. Šnare ašča, za-rdy tānza šā-rēdič: vāšni-k. Še-sta karñā. son vāšni-mā. Kyda vā-šūā, kiñ ņe-jā, še karñā. čyji-mā, a son karñā. āsy-nza kunda-ma; žare son mālga-nza čyja, usta-tkatññ stara-jit še ška-ñā tožy čyji-ms kufa-ma ta-rkas. Vot bidā son kiñgak

1) Kijakas.

Игры.

Игра въ жмурки. Завяжутъ одному глаза и поставятъ посреди кабы, а остальные начнутъ ходить вокругъ него крадучись, гдѣ въ присядку, а другой и ляжетъ на полъ, а кто потихоньку вбѣдетъ на лавку; а тотъ, кто водить, растопырять свои руки и ходить вокругъ горницы, ловить, шцетъ. Онъ ходитъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не попадется ему. Кого онъ поймаетъ, тому завяжутъ глаза. Тотъ и начнетъ опять такъ же ловить и искать.

Игра въ прятки. Въ игрѣ въ прятки сначала бросятъ жребій, кому достанется водить. Онъ станетъ, обернетъ лицо къ стѣнѣ, зажмуритъ глаза и стоитъ. Стоить до тѣхъ поръ, какъ ему закричатъ: ищи. Тогда онъ начнетъ искать. Когда онъ ящеть, кого если увидитъ, тотъ начнетъ убѣгать, а онъ начнетъ его ловить; пока онъ за нимъ бѣжить, остальные въ это время стараются также добѣжать до мѣста, гдѣ водить. Вотъ если онъ кого-ни-

ku·ndā, še i karinā· ku·fa·ma. A bidā kija·k tūnza a porgū, še sta tagy son karinā· ku·fa·ma.

Kaba·nea. Vā·χki·s a·rā ku·fa·ma, a osta·tkatnā kekšē·t. Mājā son žarda sonā·nza šā·rēidit, še·sta son karinā· vāšnī·nā Ko·nañ mu·sy, šeñ āsa sa·sā i ēa·vā ku·fa·ma ta·rkañti čyjims. Osta·tkatnā za·ro so·n vā·χkiñt marta čyjnā, vā·si noro·χtet čyjimā ku·fa·ma ta·rkas. Kona·ñ osta·tkada āba·sy, šeñē·ñ i ku·fa·ms. A bidā kiñga·k a ābā, to āsā·nza māki·j ku·fa·ms.

Ka·fa·sa. Sufi·t stru·ps vā·čiñist. Suva·msta šā·rēidit: ka·lasa·! I vāši kapšyt še ška·nā ači·nā ugyłga. Kona akā·ñiñā, še·ñē·ñ oda·ms. Ode·čās a·rā kančakvi·c, mājā ja·kū u·gyłga i ā·vā·χkiñ kā·pksnā: ka·fa·, ka·fa·, ko·sa? A net·ne·fēt kop tāt pa·ra. Neftemsta mē·t: ka·fa· vo·nēksa, i še ška·nā neftā ode·čā·ñi su·rca. Še tuja toy, a net še ška·nā pola·ñit vā·χkist vā·χkist marta tarka·t, a ode·čās še ška·nā, bidā fa·tū, ko·nañ gak ta·rkas kapšā·ara·ma. Kiñ ta·rkas a·rā, še·ñēñ oda·ms. Nalksīt, balksīt, me·lest

будь поймаетъ, тотъ и начнетъ водить. А если никто ему не повадется, то онъ опять начинаетъ водить.

Игра въ кибана. Одинъ становится водить, а остальные спрячутся. Потомъ онъ, когда ему закричатъ, начнетъ искать. Кого найдетъ, того онъ догоняетъ и хлопаетъ (чтобы не допустить) взбѣжать на мѣсто, гдѣ водить. Остальные, пока онъ бѣгаетъ съ однимъ, воровать всѣ взбѣжать ни мѣсто, гдѣ водять. Кого онъ наконецъ хлыстнетъ, тому и водить. А если онъ никого не хлыстнетъ, то ему самому опять водить.

Игра въ кисель. Въ пинтеромъ войдуть въ срубъ. Входя кричатъ: въ кисель! И всѣ въ это время сѣшать сѣть по угламъ. Кто не поспѣетъ, тому водить. Водящій станетъ по середкѣ, потомъ ходить по угламъ и спрашиваетъ каждого: кисель, кисель, гдѣ? А тѣ показываютъ, кому какъ не нравится. Показывая, говорятъ: кисель, вонъ гдѣ, въ это время показываетъ водлицему пальцемъ. Онъ пойдетъ туда, а они въ это время помѣняются другъ съ другомъ мѣстами, в водящій въ это время, если замѣтитъ,

kyda. molet, koda-k ša-řgidit: kona. ka-duvá, suksyjá-š, suksyjá-š. Še šta-ná pšán po-lđan ší-ndlž kapšyt tarka-st kadnu-myst i šeda ku-ryk čyji-ms u-řcaq.

Žarca. Ža-rea javi-t kaftuq žary ulčt loma-tńá i kaji-t Ki-ńi-á vačky-dims žary-š. Ťaji-t kafty na-šat. Ko-nańiń sa-tá vač-ky-dims, neť ary-t vá. jo-noq, a osta-tkańá ary-t ombóčá jo-noq. Neť vačky-teyz, vřýkiš žary-ńt, a jalga-ŭza karhi-t da-řsy sala-muza. A neť o-mbóčá jo-neta karča čavi-t žary-ńt, pańi-t mńá-kij. Kona-t i-kińj pańcy-ž, neť i vačky-dit. Žary-š ču-řtyń kruglo-voj; řvřýkiń ģeca du-bina, ne dubina-tńiń asa pa-ńit. Lija-sta iřta-pańit, turva-st ka-k ta-přisyž.

Skrakľa-sa. Skrakľa-sa nalksi-t i-řta: řaji-t ko-ta ču-řtyń mu-řka palńińit kuva-lmyst vaksyń vaks i řaji-t ozorno-j kru-g i javi-t ka-řty ža-ryńist ulčt. Řřvřýkiš šš jalga-ŭza ma-řta i ř-

воспѣннѣ стать на чье-лисо мѣсто. На чье мѣсто онъ станеть, тому водить. Играють играють; когда пройдетъ охота, какъ за-пречить: «кто остался, очервѣлѣзь, очервѣлѣзь». Въ это время сломи голову и не жалѣя ногъ (опрометью) снѣшать оставить свои мѣста и какъ можно скорѣе выбѣжать на улицу.

Игра въ шаръ. Въ шарѣ въ шаръ дѣлятся на двѣ партіи, сколько было людей, и кидають жребій, кому бить шаръ. Устраи-ваютъ два назначенныхъ мѣста. Кому достанется ударить, тѣ ста-навлиятъ на одну сторону, а остальные становятся на другую сто-рону. Тѣ ударяють, одвиъ (ударить) шаръ, а другіе начинаютъ гнать его дальше. А тѣ съ другой стороны ударяють шаръ на-стрѣчу в гонить его обратно. Кто впередъ угонитъ, тѣ и уда-ряють. Шаръ круглый деревянный; у каждого въ рукахъ ду-бина, этимъ дубинами они гонить. Другой разъ такъ гоняють, что даже разобьютъ себѣ губы.

Игра въ чушки. Въ чушки играютъ слѣдующимъ образомъ: пригото-вить шесть деревянныхъ иоротныхъ палочекъ въ длину по-тереть и проводить большой кругъ и дѣлятся на двѣ партіи, сколько ихъ было. Каждый со своимъ товарищемъ и у каждого

važkiñ geca para kedjoxks. Taji-t ka-fta bužt, kaji-t kiñi-n iñi-
ñij čaums. Kona-ñiñ i-kiñij sa-tā, ñet ary-t vasy-la bu-jiñti i kar-
mi-t jovfa-ma skraklāñiñ laŋks, a skraklā-tñā ara-ftuft kru-gyñā
ku-nēkas, ara-ftuft i-šā; ala kolma ašēy-t bo-kom, laŋksy-st kufta
ñet ka-k bokom, a šeft laŋksa vā-žkā, še šfada. Vot i jo-vfet.
Koda-k kala-dyt, šesta- ary-t mala-sa bu-jiñti i karñi-t čau-ma-
kit šedā la-ma ñitit kruksyñt, ñet i karñi-t jalga-st la-ŋksa ja-
ka-ma, JaKi-t to-zeñ, kozēñ jalga-za jorcō-j kedjo-ŋksyŋza. Koda
vāši ka-ñiñsyž skraklā-tñiñ, ara-fuysyž, šesta- ñet ombōnēñ
karñit i-kiñij čan-ma, a ñet uš synet mñ-lga.

Ošca. Taji-t krug, krugo-mganza ñiñ vā-ñā ja-miñit; kunčca-
synza po-kš šedā ja-ma. Taji-t čoftyñ žar i kaja-syž kunčca-sa
ja-mañti, šēñ lññi-za oš, a jama-ñt oš ja-ma. Jara-fuysyž ko-na-
karñi-t ualksi-mā o-šca dubi-nast vāši žaryñt laŋks oš ja-mañti.
Arci-t i-šā krugo-mganza i kodak mēfc-t, ki kññiñā, ātvāž kiš ka-
ja-vā še ška-ñā ja-miñis, štyba dubi-na pāza ašēy-za jamiñi-syñt, a

въ рукѣ хорошая ручная дубинка. Устраиваютъ два буй, бро-
саютъ жребій, кому прежде бить. Кому достанется впередъ, тѣ
становятся въ дальній буй и начинаютъ бросать въ чушки, а чушки
поставлены посреди круга и поставлены слѣдующимъ образомъ:
внизу три лежатъ бокомъ, сверху ихъ двѣ — тѣ также лежатъ,
а на самомъ верху одна — та стоякомъ. Вотъ и бросаютъ. Какъ
только разсыплютъ, тогда становятся на ближній буй и начинаютъ
бить; кто больше всѣхъ выкинетъ изъ круга (чушекъ), тѣ
и начнутъ ѣздить на товарищѣхъ. Ёздить туда, куда товарищъ
броситъ свою дубинку. Когда свесутъ все чушки и поставятъ ихъ,
тогда тѣ изъ другой партіи начнутъ бить впередъ, а эта уже
послѣ нихъ.

Игра въ городки. Проведутъ кругъ, вокругъ него устроятъ
четыре или пять ямочекъ; въ середкѣ его самую большую яму.
Слѣпаютъ деревянный шаръ и броситъ въ среднюю яму; сере-
дцу и называютъ городомъ, а яму городской ямой. И положатъ
тѣ, кто станутъ играть въ городки, все свои дубинки въ городскую

ko-na ka-duŋā, aka-niŋa jaŋi-nis, še-ne-n oda-ms. Še-sta sajsy-ž žary-ŋt oš ja-ma-styŋt i vačky-ŋyž kruksyŋt, a ode-čās čyja-maŋgaŋa i karŋiā. šy-n-ža dubina-sa paŋi-nā māki-j oš ja-maŋti. A ŋet karŋi-ŋ ano-lamyn-ža, čau-ma karŋi-ŋ ka-rča dubina-sa; a ode-čās še ška-nā noro-χā dubina-sa" jaχydi-čāt va-ras ara-ftums soŋe-ŋ dubi-naŋga. Je-šŋ son ka-niŋa iki-ŋj putu-ms dubinaŋā-n-ža konaŋga-k va-ras, to še-heŋara-ms, a še-ne-n oda-ms. A bi-dā kiŋga-k va-ras aka-niŋa i son-ža žary-n-ža mola-syž ŋa-n-ža prafu-ms oš ja-maŋti, še-sta aka-čō šāŋidiŋ, i še ška-nā vāsi čovr karŋi-ŋ vāšni-mā āsta-st ŋja. va-rat, a kona-aka-niŋa ko-zēŋga-k, še-ne-n oda-ms.

Mā-čea. Māčea. ualksi-ŋ žarda jaki-ŋ alašava-kse, bošy tu-nda. Ťaji-ŋ Ťa-χgiŋ māč, ťajni-ŋ ťāŋāχ kilo-maŋis āsta-n-ža ja-niŋā; ťajniŋ ā-syst čā jo-n-ža ja-niŋiŋ. I karŋi-ŋ māciŋt asa kavi-ŋkšni-

яму на шаръ. Стануть такъ вокругъ ямъ и какъ только скажутъ, всакиъ, кто поспѣетъ, бросится въ это время въ ямку, чтобы конецъ его дубинки оказался въ ямѣ, а кто останется и не поспѣетъ подобнъ къ ямкамъ, тому водить. Тогда возьмутъ шаръ изъ городской ямы и выпяблютъ его изъ круга, а водящій бѣжитъ за ямъ и начинатьъ гнать его дубинкой назадъ въ городскую яму. А тѣ начинаютъ не пускать шаръ, начинаютъ ударять дубинками на встрѣчу; а водящій въ это время старается поставить конецъ своей дубинки въ ямку того, кто размахиваетъ дубинкой. Если изъ поспѣетъ поставить впередъ конецъ своей дубинки въ чью-либо ямку, то ему надо егаты, а тому водить. А если онъ не поспѣетъ ни къ чьей ямкѣ и допустить его шаръ упасть въ городскую яму, тогда закричать «разрушено», а въ это время всѣ вмѣстѣ начнутъ искать себѣ другияхъ ямочекъ, а кто не поспѣетъ никуда, тому водить.

Игра въ мячъ. Въ мячъ играютъ, когда караулятъ лошадей, больше весной. Сдѣлають изъ лыка мячъ, каждый устроитъ себѣ ямку; устроятъ она себѣ ямочки въ одной сторонѣ. И начнутъ ка-

mā, jamiini-tūin laŋga. Kiŋja-miŋis pry, še kapy-ŋcy, a ostatka mā
čyji-t, a son ko-naŋ kĀ-niŋa, šeŋ i čavā. mā-čcoŋt. Ko-naŋ vĕ-
kyŋcy, še karmā. KĀvi-ŋkšūnū.

Kiča-sa. Ťaji-t ŋiŋ u-gylca krug i kaji-t kaŋtuŋ za-ryŋis
nĕt; ŋivŋŋkis ŋsi jalga-ŋga ma-ŋta i karmi-t nalksi-mā. Kiča-
č-e-tvētŋi poltora. 1), kavynist ŋa-ŋga laksit ala-myda, a kiča pa-
kas arčynčka, i byva-jit bo-ŋy 2) i sedŋi viškiniŋ. Ki-niŋ koda-my
pa-ra, še iŋta-myŋa i čavā. Čavi-t i-ŋta. Kiča-ŋt kaja-syž kav-gyŋt,
a čavi-čas arā-koda-ŋaŋa pa-ra i vačkyŋcy kiča-ŋt pās. Kičŋ
kyŋiŋa-ftā. Son še ŋka-nā noro-ŋŋ kičŋpa-lkasyŋt sedŋi pe-k vačky-
dimiŋa, ŋtyby soo sedŋi va-syŋ liŋa-za. Še-ŋta še va-čkyŋmā
loo-vā ka-ŋtyŋ. A bičŋ vačkyŋcy ki-čŋŋt ča-vičas Kiča-ŋt pe-ŋŋ,
a son kyŋiŋa-ftā pek i liŋiŋ. krasy-ŋt tona bo-kas a to-kavi-ŋa-ŋga
kyŋiŋa-ftumsta, šestŋ te loo-vā vĕŋkis i ŋami-ŋga bu-ka, a lija-ŋta

1) o-mbōcs peŋ takasyka. 2) ŋiŋ i sedŋi pokit.

тать мять по ямкамъ. Изъ чью оны упадеть ямку, тотъ схватить
его, а остальные убѣгаютъ, а оны, кого ушибеть, того и ударить
мячомъ. Кого оны ударить, тотъ и начеть катать.

Игра въ чьяжъ. Устроить четырехугольный кругъ и дѣ-
лятся на двѣ партіи, сколько ихъ будетъ; каждый и начинается играть
со своими товарищами. Чьяжъ четверти въ полторы, съ обѣихъ
концовъ немного затесать, а палка чьязова длинной въ аршинъ,
бываютъ и больше и еще меньше. Кому казая нравятся, тотъ
такую и бьетъ. Бьютъ слѣдующимъ образомъ. Чьяжъ поимѣстятъ
въ кругъ, а бьющій ставеть, гдѣ ему нравятся, и ударить въ по-
месь чьяжа. Чьяжъ подпрыгнеть. Оны въ это время стараются уд-
рять его палкой какъ можно сильнѣе, чтобы оны какъ можно дальше
полетѣлъ. Тогда этотъ ударъ считается за два. А если бьющій чьяжъ
ударить чьяжъ въ первый разъ, а оны высоко подпрыгнеть и по-
летитъ на ту сторону круга и не задѣнеть его, подпрыгнувъ, тогда
это считается за одинъ (ударъ) и называется быкомъ, а въ дру-
гой разъ договариваются взять быкъ назадъ и (ударить снова).

korta-syz buka-ńt saji-ms. Vot ka-jit kińń i-kilij ča-ums i kar-
mi-ť het čan-ma ža-rys la-dasyž lo- voms tosa, ko-mśes ali ěilif-
ga-mińe ě-ńi vādġamińe i karmi-ť čan-ma. Ko-naniń i-kilij sa-čā,
vāġkiś čavā; žara čāja, ombō-ńčēń ā-sta tiśā. jalga-za, karmā-
nānza- ěamśi-mā. Koda-k kru-gyńti kičā-ś pry, šesta- nama-pś.
Še-sta karmā- te ča-uma, karmi pandu-ma žarys pa-nduvit ča-nza,
ali-ja- pancy-ńā da čšo- lany-zyt čā-ja kā-miška ali ka-vači-iska.
Kona-t i-kilij čāji-ť šōara žarys lađ-ž, to osta-čkatniń ā-čāġkiś
āsi ja-lgānza kučcy-j dēks. Kučcy-j i-šta: čavā kozē-ń, kičāza
č-čā čavyž a kičāpa-lkańt jo-rdēž jorcē-j, kozē-ń jo-rdōiā. Šesta
čkra-katyńt tu-jā vā piłgi la-ġka kyřna-fāińā kičāpa-lkań pur-
na-ma, i koma-msta i saji-msta i mākī-j vasyņ kyřna-fūimsta bi-
da ombō-čā pi-lġinza lanġs čalga-vā, šesta- o-don kucy-j dēks, a
tiđā ačā-lgavā, še-sta pa-ńli; i vāsi āś so-ńčēń jalga-nza išta-

Вот бросают жребій, кому вперед ударить, и они будут бить
столько разъ, сколько они тамъ договорятся считать — до двад-
цати или до сорока или до пятидесяти разъ и начнутъ бить. Ко-
торой партіи достанется бить впередъ, то одинъ (изъ нея) бьетъ;
сколько тотъ сдѣлаетъ (ударовъ), изъ другой партіи выйдетъ его то-
варищъ и начнетъ кидать ему въ кругъ. Если чья-з упадетъ съ
крутъ, то (значитъ) онъ оспалъ. Тогда начинаетъ бить этотъ и на-
чинаетъ платить, сколько сможетъ заплатить, а другой заплатить и
еще сдѣлаетъ на нихъ (на ту партію) съ десятокъ или съ пятнадцать.
Кто прежде сдѣлаетъ столько, за сколько уговаривались, то кака-
дый изъ остальныхъ посылаетъ своего товарища прыгать на од-
ной ногѣ. Посылаетъ его слѣдующимъ образомъ: куда онъ уда-
ритъ, чья-з его долетитъ вслѣдствіе удара, а палку отъ чья-з
онъ броситъ броскомъ, куда она попадетъ. Тогда этотъ пойдетъ
изъ круга, прыгая на одной ногѣ, подбирать палку отъ чья-з, и если
въ время нагибанія, во время хватанія и прыганія взадъ-впередъ
онъ наступитъ на другую ногу, тогда снова тотъ его пошлетъ
прыгать на одной ногѣ, а если онъ не наступитъ, тогда довольно;

kučhi-syj, mājla ſet karhi-t i-ki-lij čau-ma, kona-t derks ja-ka-ſt.

Ru-zy-ſu Kičā-sa. Arčif za-ry-nist ulčf nalkſi-čāfā i karhi-t Kičā-sa kaja-ma. Kajſi-t i-ſta: vifke-dezēnza Kičāpa-lkaſt, a kāfē-ke-dezēnza ki-čūſt; Kičā-ſt kaja-syj Kičāpa-lkaſt vālkſe, a Kičāpa-lkasyſt karhi-ſt alda tokſe-mēnza, a oſta-tkaſtā lojnē-t za-rykſt fa-nza toka-vā. Kona- ſeſt lamykſt toka-syj i-ſta Kičā-ſt, ſe ſeſt i-ki-lij karhi-ſt čau-ma, a kona- ſeſt n- lamykſt, ſe karhi-ſt fa-nza ſamſi-mā; a mā-jlā te karhi-ſt ča-ma; iſta-k i čāvi-ſt fado-m moli. Kona- ſeſt a lamykſt toke-za Kičā-ſt, ſe ſeſt mājlā karhi-ſt čau-ma a čau-mſta ki-za-ra fa-jā lo-qnē; kona- i-ki-lij fa-jā kāmū, ſe ſeſt, a kona- ſeſt mā-jlā kadu-vā ſeſe-ſi oda-mſ, a odo-ti-ſta; kona- ſeſt i-ki-lij ſiſa-, ſe ſeſt i-ki-lij karhi-ſt oda-ma. Kičā-ſt va-čkyteſj, a odo-čūſ karhi-ſt čy-jūiſ čy-jūi-mā i kičāſt a-ſa ſamſi-mā, a odo-čūſ a-rā krugyſt vā-lkſe i karhi-ſt. Kičāpa-lkasyſt joza-ma krugyſt

и всё посылают такъ же своихъ товарищей, а потомъ, начинаютъ бить впередъ тѣ, которые ходилъ на одной ногѣ.

Игра въ русскій чижъ. Становится сколько будетъ игроковъ и начинаютъ бросать чижомъ. Бросаютъ слѣдующимъ образомъ: въ правую руку онъ возьметъ палку отъ чижъ, а въ лѣвую чижъ; чижъ броситъ поверхъ палки, а палкой онъ начнетъ подталкивать спязу, а остальные считаютъ, сколько разъ ему это удастся. Кто больше всѣхъ попадетъ такимъ образомъ въ чижъ, тотъ станетъ бить прежде всѣхъ, а кто меньше разъ, тотъ начнетъ бросать ему въ кругъ, а потомъ этотъ начнетъ бить; такъ ихъ дѣло и идетъ къ раду. Кто всѣхъ меньше (разъ) попадалъ въ чижъ, тотъ начнетъ бить послѣ всѣхъ, а во время удара ии считаютъ, кто сколько разъ попадетъ; кто первый попадетъ десять разъ, тотъ выходитъ, а который останется послѣднимъ, тому водить, а водить слѣдующимъ образомъ: кто выйдетъ всѣхъ прежде, тотъ прежде всѣхъ начинаетъ водить. Онъ ударитъ чижъ, а водитій начинаетъ бѣжать бѣгомъ и броситъ чижъ въ кругъ, (при чемъ) водитій становится надъ кругомъ и начинаетъ вертѣть (тереть) пал-

vā-ksca i ano-ldama kičā-nē āsa. I odā. šnare, žarda kičā-s ūn-mavā, sondešenza mā-jlā karmī-č lījā-tā jak ištā-žn odā-ma Kyda vā-ši oda-syž, še-sta son čavā. šeff i-kilij ičavā. kafty ke-ca per-vaj, a mā-jlā karmī-č čau-ma vā ke-ca.

Moloka-sa. Pruni-č kuča-s; vāχki-s šstyst iša. jutkstyst, arā vāpefej i karmā. šajri-mā; mo-lōka-! a deč te-sta karčy-zynga arādit; čavol! Še tosta šā-řgidā; daj, rabo-fōikl — U kavo-? Še-sta son šā-řgidū kič du-mā; u lva-nl ali u Jo-gyř, ali u Dři-ga, ki me-le-zenza tu-jā, šen i šā-řgitecy. Konaū šā-řgitecy, še čyjā. sonidā-nyza, a deč krnkstyč čavī-č čyji-msta ā-synga kičī-n koda. pa-ra: ki kyrgasan la-nga, ki pīā la-nga, ki-mū kua to-kavā. I son ištā. šajri-čyžā vāši: šesta kona. ka-duvā šeff mā-jlis, te karmā tovo-lda i-šāza šajri-mist. ištā. i nalksi-č.

Čy-sa koysa. Čy-sa ko-ysa arči-č vāši vā ta-rkas; vāχki-s arā-va-ks, a osta-čkatā kučī-č ūda-lynga; vā-ši kiřdi-č vāχkist vā-χ-

крутомъ маткой и не пускать къ себѣ чужа. И водить до тѣхъ поръ, пока чужъ не попадетъ въ кругъ, а послѣ него другіе начинаютъ бить такимъ же образомъ. Послѣ того, что всѣ поводятъ, онъ ударяетъ прежде всѣхъ и сначала бьетъ двумя руками, а потомъ захватываетъ одной рукой.

Игра въ молоко. Собираются въ кучу; одинъ выйдетъ изъ среды ихъ, станетъ въ сторонѣ и пачнеть кричать: молоко! А тѣ въ отвѣтъ ему кричать: чего! Тотъ тогда закричать: ай, работники! — У кого? Тогда онъ крикнетъ на кого подумаетъ: у Ивана, или у Егора, или у Григорія, кто ему понравится, того онъ и крикнетъ. Кого онъ крикнетъ, тотъ приближитъ къ нему, а отъ изъ круга бьетъ его, какъ кому захочется: кто по шейнымъ звеньямъ, кто по головѣ, кто куда попадетъ. И онъ такъ всѣхъ дергаетъ: тогда тотъ, кто остался послѣднимъ, начнетъ съ той стороны ихъ перекликивать. Такъ и играютъ.

Игра въ солнце и мѣсяцъ. Для игры въ солнце и мѣсяцъ всѣ становятся на одномъ мѣстѣ; одинъ становится маткой, а остальные схватить его сзади; всѣ держатъ одинъ другого съ задъ,

kist āsa uda-lda, ki čuba-da, ki suma-ndā, a vāḥkā- kadu-vā va-
rakaks i karinā- oda-lda kuñci-nā vāḥā-vā-ḥā nalksi-čātiin āsa
a soñé tyjñā- i pižñā: vārk, vārk! Kyda ku-ñčā peleska-stkuñci-
vit, űet kuñci-č vāši va-rakanit uda-luq i vura-kaš karinā- pižñā-
ma soñé-ñ ořtelenga mařta: koq, koq! A űet, ombóče ofe-řeš,
karini-č pižñā-ma: řyj! řyj! A űet pižñi-č: koq! koq! I karini-č vāḥ-
kist vāḥkist āsa āšta-st mañā-ma, mājñā kundy-č ava-katñā vāḥ-
kist vāḥkist ājs i karini-č āšta-st uskuma. Koda-k kona-ava-kañi
sala-syž, šeñ vāši karini-č pižñā-nga kalga-myñža.

Gala-ñčasa. Parvy-č vā-či kāññit i noro-řtet piža-kaduma.
Kona- kā-ñiñā iki-ñj pižñā: čir ko-n! A ombó-češ pi-žñā: pa-
ko-n! A kolmo-češ pižñā: taraka-n! Mā-jñā karinē nalksi-nā.
Nalksi-č i-šta: nāli kā-ññitñiñ pucy-ñžā ma-styřaṇ, a vāḥki-š ke-
čengza. Te vā-ḥkiñt kaja-syř ve-řej, še škañā pramazy-ñža karpi-
ñi-ñitñiñ a-lda kapy-điññit i kāñi-ñims šeñga-k konda-mš veřdā.

кто за шубу, кто за кафтанъ, а одинъ остается вороной и начи-
наетъ хватать играющихъ одного за другимъ, а самъ бѣгаетъ и
кричитъ: варкъ, варкъ! Когда онъ, хватая, поймаетъ съ позволенію
ихъ, тогда эти всѣ схватятъ ворону сзади, и ворона починаетъ
кричать вмѣстѣ со своей партіей: мѣсяць, мѣсяць; а эти, принад-
лежащіе другой партіи, пачнутъ кричать: содице, содице; а эти
кричать: мѣсяць, мѣсяць; и начинаютъ перекликать одни другихъ,
затѣмъ матки уцѣпляются другъ за друга и начинаютъ тащить къ себѣ
чужую матку. Когда вырвутъ какую матку, всѣ начинаютъ ло-
бить ее въ голову.

Игра въ колики. Возьмутъ нѣтъ камушковъ и стараются
крикнуть. Кто успеетъ рывкомъ, закричитъ: чуръ конь! а другой
крикнетъ: подъ конь! а третій крикнетъ: тараканъ. Потомъ начи-
наютъ играть. Играютъ слѣдующимъ образомъ: четыре камня
она положить на землю, а одинъ она держать въ рукѣ. Однѣ
этотъ камень она броситъ къверху; въ это время она старается
до паденія его, схватить снизу тѣ четыре камня и успеетъ поймать
и тотъ сверху. Сколько разъ она такъ успеетъ, столько и си-

Za-rykšt išta. Ka-ni-ra, sňarykšt i lovā. jalga-nza laŋks. Koda-k
kimiŋc tājā, še-sta karŋā. kamka-ma. Koda-k jupa-dā, šesta-
nza pa-nda. Še-sta karŋā. jalga-za paŋni-mā. Koda-k kona-
koma-ni laŋks tājā. komš ka-mkaž, to šeŋ išta. tata-rynŋi mi-sy,
mājā karŋā. voža-ž to-sta idi-miŋza, karŋā. galaŋčafŋiŋ praŋni-
mā i paji-čkšni-mā: «prašt bnjara-ks, tatar paly-zā». I koda-k i-šta
komše-s pandu-vā, šesta tanga pa-nda. Mā-jā jalga-za karŋā.
išta-ža nalkši-mā. Ko-naŋ mi-syž, šeŋ laŋksa vā-ši jalga-nza pa-j-
dič. Vot i-šta i nalkši-č.

Naka-sa. Tājni-č ŋa-kat—čora-t, ava-t, āžt, kakšt, žeŋe-čt,
nevēsta-t i karŋi-č ŋsy-at nalkši-mā; i-šta-ža koda. i loma-čt ari-č,
išta-ža utva-kšnič, išta-ža byta guŋā-jit, čačni-č i kulci-č. I-šta
na-čšit tājti-čnič godo-ŋ do dvenacati. Mā-jā pa-nda.

Ka-ravad. Karava-ca nalkši-č i-šta. Liši-č tājti-čt ary-č
ku-ka i kuŋci-č ketŋke-c i karŋi-č čyčkši-mā. Kuŋka-s suvā-
vā-žā i karŋā. morē-ni šajri-mā. Te šaigidi vāšna. ška-mynda,

звать другъ за другомъ. Если кто исповнѣтъ десять разъ, то на-
чинаятъ подкидывать съ затылка руки и ловить. Какъ только про-
мывается, тогда съ нея довольно. Тогда ей начинаютъ отличивать
съ товарища. Какъ только одна за другую бросить и поймаетъ
двадцать разъ, то она продастъ ее такъ татарину, потомъ нача-
нать съ базовствомъ выкупать ее оттуда, начинаютъ бросать на-
ружки и подсмѣиваться; узнали въ баракъ, татаринъ поцѣловалъ
ее; и когда она такъ заплатитъ двадцать разъ, тогда съ нея до-
вольно. Потомъ подруга ея начинаетъ играть такъ же. Которую
провадутъ, надъ той смѣются всѣ подруги. Вотъ такъ и играютъ.

Игра въ куклы. Сдѣлаютъ куклы—мужиковъ, бабъ, дѣтей,
животовъ, свѣеть и начинаютъ ими играть; такъ же живутъ, какъ
иди, такъ же женятъ и такъ же гуляютъ, рожаютъ и умираютъ.
Какъ играютъ дѣвочки годовъ до двѣнадцати. Потомъ довольно.

Хороводъ. Въ хороводъ играютъ такъ. Дѣвушки выйдутъ,
сплутъ въ кругъ и ухватятся одна съ другой за руки и нача-
нать покатываться. Въ середину входятъ одна и начинаютъ заги-

a má-jlá málga-nza net ka-k. Mořcet mořcet i-štaňa, májla ka-r-
mít kišni-má. Kišy-msta tájni-t i-šta: kruks suvi-t kafty táždí,
a osta-tkatná karhi-t la-ti-la-li mora-ma i te lafi-lalint jazyk
ara-s, a lja-sta morét: «nam hi nada muzyka», u nas svoj ješ
jazyka-; lja-sta mo-rét: «na jaruži duľa ješ, duľa dav. Máj-
puru-mksnyť tezeň o-džorat nudij marta i karhi-t mora-ma i ki-
šy-má čo-vör; konna-t kišy-manť ve-čkséz, a kona-t še škaňa vany-
kona-t šajrit mimišu-nu va-lgjsa, kona-t veške-net, a ko-nal
ta-žtiťná kru-ksa moré t. A ualksi-t tážti-ťná čo-ratná ma-řa
i-šta: tážti-ťná ašy-t kru-ksa va-žy-č ku-ňež, a čora-tňajaki-t
krugo-mgast i čavi-t sa-tyňá udalkslazga keř ladyška-sa, a táž-
ti-ťná možga-ňift o-žasa. A konna-ťážti-řiňt vačky-tey kořňeň
jalga-za, son še ška-ňa kru-kstyňt li-ša, buľa seň čau-ma karhi-
málga-nza čyji-má, a še bu-ta řiľá, karhi-ňajsty-nza čyji-má
seďá čo-póda ta-rkas. Kyďa čy-já iřta-ma ta-rkas, ko-sta kiňi-ľ

вать пѣсно. Эта занесть сначала одна, а потомъ за ней и тѣ.
Подоють онѣ такъ, потомъ начинаютъ плясать. При пляскѣ по-
ступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ войдутъ двѣ дѣвушки,
а остальные начнутъ пѣть лили-лили, и этому лили-лили пѣть в
конца; а другой разъ поють: «намъ не надо музыка, у насъ сво-
есть языкъ»; другой разъ поють: «на яругѣ дуля ľли, дуля дд.
Потомъ туда собираются парни съ дудками (изъ трости) и на-
чаютъ пѣть и плясать вмѣстѣ; которые любятъ пляску, а нѣко-
торыя въ это время смотрятъ, другіе кричатъ на разные голоса,
третьи высвистываютъ, а нѣкоторыя дѣвушки поють въ кругъ.
А играютъ дѣвушки съ парнями слѣд. образомъ: дѣвушки сидятъ
въ кружкѣ, держась другъ за дружку, а парни ходятъ вокругъ
нихъ и потихоньку ударяютъ ихъ ладонью по спиѣ, а дѣвушки
ваотмашъ рукавомъ. А если дѣвушку ударить ея дружокъ¹⁾, то
она въ то время выйдетъ изъ круга и побѣжитъ за нимъ, будто
для того чтобы бить его, а тотъ будто боится и побѣжать отъ

1) Т. е. парень, котораго дѣвушка напѣждаетъ себѣ въ мужья.

gak a ne-javá, šesta lotkü i táž'čiriš čyja-, buta kunda-sy, i oze-t
 ká-ša-da karini-t kotžne-má. Zija-sta išta kotžne-t zo-ras, a li-
 ja-sta fati-t fja-t táž'čiriš málga prafty-čat i karini-t lavgyzst
 májsa poržs jovra-ma i pañci-z to-sta. Še-sta še čora-s purna-
 ržbá jalga-nga i tuja fja karava-dga jaka-ma vác. Vašij karava-t
 syv žga jak-i-t čorafaš i-šta. Net mole-t to, a nona-t to-sta syf
 lej; išta- i ja-kif.

Kifi-n sala-ma. Koda šokšes sy, še-sta táž'čiržná i čorafná
 karava-c lo-tket lišhi-mada. Še-sta táž'čiržná karini-t ruča-n pa-
 na-ryú vikšai-má ku-ca, a čora-fná karini-t valma-lga jaka-ma.
 jaki-t sa-lava, a pora-s ru-daz. Mo-žet va-lmalu, ko-mšet sa-
 styá, va-nyf sty-bu táž'či-fis iša-za fafa-a-zyst. Táž'či-fis vi-ššná,
 a syv va-nyf, koda-k še nupši-má ka-rná; syv še škaúš salavi-ná
 va-lmaš pañčyž; bidí ki-riza mala-sa, sajsy-z ke-ca, a bidí vā-
 je-lá, šesta čora-fniš uli-t išta-tt palkava-ká kinki-nist. Še kfu-

мѣстъ въ очень сырѣное (темное) мѣсто. Какъ онъ приближить въ
 такое мѣсто, гдѣ никто его не увидѣтъ, тогда онъ остановится, а
 дѣвушка приблизитъ, будто понимаетъ его, и сядутъ или стоя нач-
 нутъ разговаривать. Другой разъ такъ говорить до зари, а иногда
 приходятъ другіе, ухаживающіе за этой дѣвушкой, и начинаютъ бро-
 сать въ нихъ чѣмъ пошало, и выгонять оттуда. Тогда тотъ паренъ
 соберетъ своихъ товарищей и уйдетъ гулять ночью по другимъ
 хороводамъ. Парни ходятъ такъ по всѣмъ хороводамъ. Эта идуть
 туда, а тѣ идуть оттуда сюда; такъ и ходятъ.

Кража клубковъ. Когда настанетъ осень, дѣвушки и парни
 перестаютъ выходить въ хороводы. Тогда дѣвушки начинаютъ
 вышивать дома рупи и рубанки, а парни начинаютъ ходить ночью
 одна. Ходятъ тайкомъ, а пора грязная. Подойдутъ къ окну,
 потихоньку, стараются, чтобы дѣвушка не замѣтила ихъ.
 Дѣвушка вышивается, а они подкарауливаютъ, какъ она задрем-
 летъ; въ это время они потихоньку откроютъ окно; если клубокъ
 близко, они возмуть его рукой, а если далеко, тогда у пар-
 нѣ бывають такіе крики на палкахъ. Этими крикомъ она его

kiñisyt sa-jsyž i ača- mary-nga. Ma-jlä mo-let fi-ja ta-rkas
čaučä-čč išta-nä ja-kič, a ma-jlä karhi-č päji-čšäniä čažči-č
la-ŋka, ki koda- vičšä-; kiñ koda-ma sufi-za. Vot išta jukšä
kiñiñ zala-mä, a Iija-sta kiñiñ a-ñčik saji-ninga ka-rnit, a čaž-
ti-iš fa-tä, šačgi-čči čäta-nety, a še ka-pydä ko-leja äli äñäsi-na
napy-šä mälgä-st, a čet čyji-č koma-ñiñ kopy-ra, Iija-sta prakšy-č
vä/ki-st-vä/ki-st vä-lkska, šti-č i ta-gy čyji-č. Šnare čyji-č, kyda ä-
jä-n o-jmeza pi-ja. Še-sta lo-tket. A ko-nañ sasasyj, šen päñ-
droks äñäsi-nasa. I išta- jaki-č šokšä ä-řva čo-kšä. A-ñčä
a ja-kič äčäčäčäñ i pražni-kiñ ka-řca.

Laŋkava-ksc. Roštova-ñiñ i ščeneja-ñiñ torgo-vyžňä fiñi-č
tava-ryst äsa laŋka-sta nure, nu-rdyñ laŋks čäji-č kibitkat, vä-
ka-syž tavaryst i lifcy-ž ulča ku-nčkas. Šesta- väši vä-lista pe-
ri-ñit odžo-rafäñ i oddä-žti-žňä i salda-čkatňä laŋka-ñiñ vaks.
Odžo-rafäñ karhi-č ramširňä la-ŋšäkiñä Ke-čta, Ki řešt, Ki re-

возьмуть и уходить съ ними. Потомъ идти въ другое мѣсто и
всю ночь они тамъ ходить, а потомъ начать подсмѣиваться надъ
дѣвушками, какъ которая вышиваетъ, у которой какія петля.
Вотъ такъ-то они они ходять красть клубка, и иной разъ, только
они стануть брать клубокъ, какъ замѣтитъ дѣвушка и крикнетъ
своему отцу, а тотъ схватитъ козь или холодильну и цуетися за
ними, а эти убѣгаютъ куда кому любо. Иногда упадутъ другъ на
другъ, встануть и опять бѣгутъ. Бѣгутъ до тѣхъ поръ—
пока у другого духъ захватитъ. Тогда остановится. А если (отецъ)
кого поймаетъ, того ударитъ холодилой по головѣ. И такъ они
ходятъ по осени каждую ночь. Не ходитъ только наканунѣ вос-
кресеній и праздникоу.

По лавкамъ. На рождество и врсеніе торговцы выносятъ
свои товары изъ лавокъ на сани, на сани приѣзжаютъ кибитки,
наложатъ товару и вывезутъ ихъ на середину улицы. Тогда со
всей деревни соберутся парни и дѣвушки и солдатики къ лавкамъ.
Парни начинаютъ покушать у лавочниковъ, кто орѣхи, кто розы,
кто пряники, кто сѣмляки, кто тыквенныи сѣмляки, кто ковшы,

ka-t, Ki zaku-skat, Ki vidi-ni-t, Ki duja-kujar vidi-ni-t, Ki kanfet-lat, Ki mäsč ra-mä, a täžti-tžnä ätva-žKa odžo-raut ke-cta väšy-t; Ki maksä, a Ki ama-ksä, i nalksi-t čora-tä äžti-tžnä marta, Ki koda mašta, Ki tolka-jiz, Ki prafty-ž, Ki vačky-diz, i žyjni-t vä-ž-kist vä-žkist mä-Iga čop. Kona-t tuji-t, kona-t syč, i tävi-st ista-molä. pelevä po-ras; mäjlä-strady-t ku-dga, a lja-t roštova-sta, ščäjeja-sta i masi-nä-sta äžti-t; odžorati-nä Kižni-t ala-šat pa-ryja, tro-jkasa, kona-t väžti väžtä, šuhysit beja-gat, oza-fyrt sardy-zyst täžti-žt; täžti-tžnä mo-rečt, a čora-tä äžti-tžt i-syst väšij väli-nä-lis. a i-ni-čyn ostatka čysta täžti-tžnä jaki-t tundy-š ščreča-jama. Jaki-t pačastu-ma, očežastu-ma, šäftka-st kusakt, paly-syst le-ntat i čokt. Moše-t väli-nä krugo-m i moreč-t mo-rät mi-nä-nyn. Šečt la-mykšt mora-syž: a väesna-, a vesna-, a vesna-, vesna. kra-snaja maja-».

Tu-ndyn provöža-ma. Še-sta täžti-tžnä jaki-t vä-šij ulčä-tšin äzga kečfikec ku-odaž i moreč-t ulčä-tšin äzga.

кто чего купить, а девушки выпрашивают у каждого парня; кто дать, а кто не дать, и играют парни съ девушками, кто как-нибудь, кто толкает их, кто повалить их, кто ударить их, и бегают друг за другомъ весь день. Один уходитъ, другіе при-ходятъ, и дѣло у нихъ такимъ образомъ доходить до полночной поры; потомъ расходятся по домамъ. А другіе въ рождество, на преденіе в на масляницу катаются на лошадах; парни повря-тют лошадей парами, тройками, иѣкоторые по одной, навязжутъ козоловъ и посадятъ въ саня девушки; девушки поютъ, а парни катаютъ ихъ по всему селу. А на послѣдній день пасхи девушки поютъ встрѣчать весну. Ходятъ безъ платковъ, безъ верхняго платья, опоясанныя кушаками, въ косахъ у нихъ ленты и кисточки. Идутъ вокругъ села и поютъ разныя пѣсни. Больные другіхъ пѣ-сень поютъ пѣсно: «А весна, а весна, а весна красная моя».

Провожаніе весны. Тогда девушка ходятъ по всѣмъ уля-камъ, схватившись рука за руку, и поютъ поулицамъ. Выходятъ

Lišni-t pa kšay, jaki-t i morcē-t a-lamys i murdy-t māki
kudu-p.

Kozna-ba. Nalksi-t ra-znašta. Nalksiť bujui-sa, nalksi-t b
kijui-sa i krutki-so, gorotkesa, i la-daž, i ofo-lea ka-jaž.

Bujui-sa nalksiť i-šta: āfva-žki lo-mańis šta-ftā kozna, fajj
buj i še bujstyť karńi-t jovra-ma. Koua-t bujsta tokā, sajā,
kona-nto-kā, išta-k jo-rdā. Ki bujsta šeťt va-suy jordā, še
velda čerkesta iki-lij ča-vā; ža-ra tokā, šnara i sajā.

Bukińisa. Arafuiť žokpeľdā čerks lažks, a-vyť va-suy fajj
lija čerks. Še čē-fksēťt āsta karńi-t koznafe-ľdā kavi-fkšēťt
pa-uyksa. Kiń žok pry panykyza, šeńč iki-lij čaums; konať ž

на поле, походить и попокуть немного и вернуться назад
домой.

Игра въ козны. Играють разно. Играють въ буйки, играютъ
въ бычьи и кружки, въ городки и съ предварительнымъ согла-
шеніемъ¹⁾ и съ бросаніемъ орла.

(Игра въ буйки). Въ буйки играютъ слѣд. образомъ: каж-
дый поставитъ козонъ, устронть буй и начинаетъ бѣгать изъ этой
буи. Во сколько козновъ попадетъ изъ буи, столько возьметъ, а въ
который не попадетъ, броситъ такъ по цусту. Кто кинетъ изъ
буи всѣхъ дальше, тотъ за то бѣжитъ впередъ черты; сколько спи-
бѣтъ, столько и возьметъ.

Игра въ бычьи. Ставятъ жохоми на черту, впереди
проводятъ другую черту. Съ той черты бачнутъ отъ козновъ бѣ-
таты палкамв. Чей палокъ упадетъ жохоми, тому бить впередъ
чей сокъ²⁾ дальше всего, тотъ бѣжитъ прежде всего. При бѣгѣ,

1) Ставляютъ козны въ рядъ, и одинъ мальчикъ (одинъ изъ козновъ) ударитъ
въ рядъ; и какъ ляжетъ палокъ (т. е. козонъ, которыми бѣжитъ), то бѣсцѣй бѣ-
ретъ палокъ и всѣ козны, которые лежатъ такъ, какъ палокъ. Если палокъ
лежитъ «сокъ» (нижкомъ), то берутся всѣ тѣ козны, которые лежатъ «сокъ».
Если палокъ лежитъ «бокъ» (на боку), то берутся всѣ козны, которые ле-
жатъ «бокъ». (Замѣчаніе Р. В. Ученая).

2) Сокъ или чокъ — такъ называется положеніе козна, когда онъ лежитъ
нижкомъ.

kóza sedi va-syla, še sedi i-kilij čavā. Čau-mista kyda-kozna-tiin toka-syňža i vany-t, koda-pany-kyza nšča. Bida bok, to son šuary saja, žara tosa bokt, a bida žok paulykza, to žokaiin sa-j-syňža.

KrukKisa. Taji-t kruk, kru-gynč vā pās taji-t čerks. Še čerk-sent laņks arā-fuit ko-znat, avyI vasuņ taji-t čerkska, še te-fksent adalu-p karini-t kavirkšniinā panyksa. Ista-ža kona-n žo-kóza sedi va-syla, še iki-tij čavā. Vačky-teynža: za-ra kru-kstynt lif-t, šna-ra sa-jā, a bi-dā vāžki jak aifā, vāžki jak asaja, i bida ato-kavit tanza, toža vāžki jak asa-ja: kozna-za juma-s. I vā-si šta čaunyt, vāsi kona-ža-ra fi-fā, šnara sa-jā, a kona-t kada-vit vāšniidā majja, heč niirekožt ulit. Syn synst, bida kadnit lamma, odo-p na-lksisyz, a bida ala-ma nařžasyž; nařžasyž—odop heka rakse štafni-t vāžti vāžta i karini-t taga nalkšniinā od kon.

GorotKesa. Vāžki čortnā šta-ftā vāci ko-znat šagi šag, čerk-

когда попадутъ въ бабки, смотреть, какъ стоитъ папockъ. Если бокомъ, то ударивши беречь столько, сколько тамъ лежитъ бокомъ, а если его папockъ стоитъ нжкомъ, то онъ возьметъ всажалъ нжкомъ.

Игра въ кружки. Сдѣлають кругъ, въ одномъ концѣ круга проведутъ черту. На этой чертѣ поставятъ козы, неподалеку проведутъ черточку, за эту черту начнутъ катать папками. Такъ же, чей жокъ всего дальше, тотъ впередъ и бьетъ. Ударить: сколько вылетитъ изъ круга, столько онъ беретъ, а если ни одна бабка не вылетитъ, онъ не беретъ ни одной, а если онъ не попадетъ, то также не беретъ ни одной; бабка его пропала. И всѣ такъ бьютъ; всякій, кто сколько выбьетъ, столько возьметъ; а которые останутся послѣ всѣхъ, тѣ (считаются) нирскими. Если останется много, они играютъ вмѣ снова, а если немного, то приведутъ ихъ въ порядокъ; приведутъ ихъ въ порядокъ, снова поставятъ вокругъ нихъ другія бабки по одной и начинаютъ опять играть другую партію.

Игра въ городки. Одинъ мальчикъ поставитъ пять бабокъ,

stā čērks šezēn i arci-t še čē-fkseñt laḡks čagun-ma. Čagun-ti-stā vāḡtā vāḡtā lo-man; čavi-čas biḡā toki vāḡkā, vāḡkā sa-jā, kolm toka, kolm sa-jā, vāḡā toka, vāḡā sa-jā. A biḡā vā-ḡkā jak a toka vā-ḡki jak a sa-jā, kozna pandā; ka-fta toka, kafta pa-ndā, ni-lā toka, ni-lā pa-ndā.

Sokórne-ba. Štafny-syž kozna-tiñ šā-jieta, taji-t čērks vā pe-tej i kozna-tiñ peḡā karni-t kavi-fksniñ čērksēnt ekše Kona-n žo-kōza šeft vasya, šeñe-n šeft i-Kiñ čau-ms, a koma-kavi-řdamsta čērksē-ñte apa-čkydā pany-kyza, šeñe-n čau-ms šā-řniñ ko-ñaz. Ki ža-ra toka, še šnara sa-jā, a šeft mājā koma-kadu-viř apak toka, ñet mīrsko-ḡt. Nalkšisyž a-lā pařa-žasyž.

шагнуть шагъ, провести тамъ черту, и станутъ на эту черту чтобы бить. Бьютъ слѣд. образомъ по одному: если бьющій попадетъ въ одну бабку, беретъ одну бабку (которую сшибъ), если попадетъ въ три бабки, беретъ три; если попадетъ въ пять бабокъ, то беретъ пять. А если онъ не попадетъ ни въ одну бабку, то не беретъ ни одной,—платить бабку; сшибетъ двѣ бабки, платитъ двѣ; сшибетъ четыре, платитъ четыре¹⁾.

Игра въ слѣпые. Поставить бабки очень часто, проводятъ въ отдаленіи черту и начинаютъ катать со стороны козновъ бабки за черту. Чей жохъ всѣхъ дальше, тому всѣхъ прежде бить, а чей наникъ при катаніи не дойдетъ до черты, тому бить зашурившись. Кто сколько попадетъ, тотъ столько беретъ, а бабки, которыя останутся послѣ всѣхъ не тронутыми, тѣ мīрскіи. И играютъ ими, или дополнить ихъ.

1) Бьющій въ горожки только тогда выигрываетъ, когда сшибетъ 1, 2, 3 бабки, а если не сшибетъ ни одной бабки или если сшибетъ 2 или 4, то проигрываетъ. (Замѣчаніе Р. О. Учева).

Tähtirjñit purmñit vä kruks, a väykä suvā kunčkazyst i komñi,
buta mäst kak karmñi kočkama a ñet väñña karmñit täfdivñinga
buta babaj moraž:

Babaj a babaj,
Ada pašama
Kšññiñ polatasa,
Paññij teññkesa,
Šija väññisa,
Kšññiñ ġrebeškasa,
Pižyñ suññamsa.
Babaj a babaj,
Mäst äjññat?
— Grošket kočkan. —
Grošket mážññiñ?
— Salmykskä raman. —
Salmykskiñt mážññiñ?

Дѣвушки собираются въ одинъ кругъ, а одна войдетъ въ се-
редину ихъ и нагнется, будто начевъ что-то собирать, а тѣ нач-
нутъ сперва звать ее, будто въ баню, при чемъ поютъ:

Бабушка а бабушка,
Иде париться
На желѣзныхъ полатихъ
Щелковымъ вѣпичкомъ,
Серебриною водицей,
Желѣзнымъ гребешкомъ,
Мѣднымъ гребнемъ.
Бабушка а бабушка,
Что ты дѣлаешь?
— Я собираю грошники. —
Грошники на что?
— Чтобы купить иголочку. —
Иголочку на что?

Kodak ista merä, dy soñé napyštä kou tünza para, a täytty-
nitnä eyjit mälganza i sälginit langyzynza i säjrit tänza: afu
prazyt, tfu äs prazyt.

— Чтобы спать мѣшечекъ, —
Мѣшечекъ на что?
— Чтобы собрать камушки. —
Камушки на что?
— Въ вѣрогъ, —
Пирогъ на что?
— Чтобы накормить вашихъ дѣтей.

Какъ только скажетъ такъ, то сама побѣжить куда ей удобно, а дѣвушки побѣгутъ за ней и плюютъ въ носъ и кричатъ ей: «тыфу, на твою голову, тыфу, на твою голову».

A ešo ualksiit ištäna. Purumiit kroks i kuñcit Keffi kec, kru-
gynit tajiit kalij i karniit morama:

Pleten a pleten,
Pleten zaražu,
Purbañ uräžu,

i väjkiä tarkasta kedest noldasyž, i kafta čäyčiržniit kedest käpiit-
syž, a omböčä pästyñit karniit suvama nie käpidiit kefnä jutkuva.
Kodak väšij jutaviit, mäjälä taga išta kundyt i taga karniit mo-
rama.

I naražyt alašat, kambraštasyž i ojšet laštä, kedezest sajij
mogajkat i tujit aržiniñlä prok' kazakt. Kuva ardyt, žajf moļa
kjetyst, i väšij čityrdyt i kudyniñt mäjälä ištäža.

А еще играют такимъ образомъ. Собираются въ кругъ и
берутся за руки, сдѣлаютъ широкій кругъ и начинаютъ пѣть:

Плетевъ а плетевъ,
Плетевъ заражу
? ?

и въ одномъ мѣстѣ опустятъ руки, и двѣ дѣвушки поднимутъ свои
руки, а съ другого конца начнутъ входить между этими подня-
тыми руками. Когда всё пройдуť, потомъ опять такъ же берутся
и опять начнутъ пѣть.

И уберутъ лошадей, осѣдлаютъ ихъ и садутъ верхомъ, въ
руки возьмутъ нагайки и начнутъ кататься, точно казаки. Куда
идутъ, тамъ идетъ отъ нихъ стонъ, и все дрожитъ, и послѣ посла-
венокъ дѣлаютъ такъ же.

Pokajis ufnis šedā ikilīn narad; songa orčēz šokšnā kudynt
ikilā. Tūčtūrnā šesta narāzakšnyšt išta: orčēt pokaj pāpān
mēščēzest pokš šulgam, pīrazyst biširyn pīrašoks. Pīlist krugā
karksyš—pīlisufit. Pīlisufiš—pokš šulgamys i pīa šuksys, nara
žat vāšij grūšasa i gorūepoša.

Bojarpīa. Šedā ikilā bojarpīadynt putnīkšnyšt orta vālkā
kriškava, i mētnēšt: šajtan asuva vā i kodamajak skotenaš kulam
asuva vā.

•
Покай былъ стариннымъ нарядомъ; его надѣвали осенью пе-
редъ посадѣнками. Дѣвушки тогда наряжались такъ: надѣнуть на
себя покай, на грудь большую застежку, на голову бисерную по-
вязку. Вокругъ ушей поясъ — ушные витки. Ушная нитка —
это большая застежка и повязка, украшенная всею побрякушками
и погремушками.

Чертогопъ. Въ старину клали чертогопъ на ворота и подъ
крышу, и говорили, что не войдетъ лайтанъ и не приблизится
никакой скотскій надѣжъ.
